

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2017 – 10 (304)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2017**

***Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем***

Редакционная коллегия:

И.В. Зайцев – д-р ист. наук, доцент, шеф-редактор.

В.С. Мирзеханов – д-р ист. наук, профессор, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *В.К. Белозёров* – д-р полит. наук, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *А.В. Гордон* – д-р ист. наук, *Ш.Р. Кашаф*, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Н. Сченснович* – отв. секретарь.

Ответственные за выпуск бюллетеня на английском языке: *Е.С. Хазанов* – отв. редактор, *Н.В. Гинесина* – вед. редактор.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобальных и региональных проблем. – М., 2017. – № 10 (304). – 100 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

*Издано при поддержке Российского фонда содействия
образованию и науке*

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

- А. Самохин.* О роли научного сообщества
в условиях глобальной информационной войны 5

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

- И. Зайцев.* Изучение и каталогизация собраний арабских,
персидских и тюркских рукописей в Российской Федерации
за истекшие 25 лет (1991–2016)..... 12
- М. Лихачёв.* Современная политическая мысль
суверенного Казахстана..... 42
- З. Халилова.* Слушатели медресе советского Узбекистана
(1945–1991 гг.): Социальная жизнь
и повседневные практики..... 49

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

- С. Клепиков.* К вопросу о стратегическом союзе
между Российской Федерацией и исламской
Республикой Иран (2017 г.) 65
- А. Филоник.* Исламские финансы и вызовы современности..... 71

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>А. Юзеев.</i> Становление исламской теологии: Конфессио- нальный и региональный аспекты.....	86
<i>О. Клычев.</i> «Дахъяк» – форма поддержки учащихся медресе и профучилищ в Бухарском эмирате	89

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

А. Самохин,

доктор физико-математических наук,

главный научный сотрудник,

Институт общей физики им. А.М. Прохорова РАН

О РОЛИ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА

В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ

ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

***Аннотация.** В статье обсуждается возможная особая роль научного сообщества в условиях нынешней глобальной информационной войны. Предполагается, что активные члены этого сообщества могут принимать участие в информационной войне, используя присущие им профессиональные качества. В частности, они способны замечать и критиковать различные отклонения от адекватной аргументации, которые часто демонстрируются в различных ток-шоу и других продуктах СМИ при обсуждении важных проблем. Широкое распространение подобного научного подхода может уменьшить некоторые негативные последствия глобальной, неограниченной информационной войны, подготавливая российское общество к своевременным эффективным ответам на внешние и внутренние вызовы.*

***Ключевые слова:** научное сообщество, информационная война, информационная блокада, ярлыки и штампы, популяризация науки.*

1. «Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник». Это известное утверждение вполне может быть справедливым для относительно спокойных, стабильных времен, когда у большинства граждан не возникает необходимость в резких изменениях своего образа жизни. Дополнительные занятия каким-либо ремеслом или хобби здесь не в счет. В конце концов Лев Толстой и Дмитрий Менделеев стали известны благодаря основ-

ному роду своих занятий, а не своим достижениям в изготовлении сапог и чемоданов.

Иная ситуация возникает в другом предельном случае, когда возникает потребность в максимальной мобилизации всех возможностей граждан, даже выходящих за рамки их предыдущей деятельности. При этом происходит изменение относительной роли различного рода занятий. Как известно, «когда говорят пушки, музы молчат». Но этот категоричный афоризм не совсем точен, поскольку музы тоже оказываются «мобилизованными и призванными». «И песня, и стих — это бомба и знамя...» — писал В.В. Маяковский в 1927 г. во времена жесткого противостояния советской России и враждебного ей окружающего мира.

Сейчас Россия уже давно не советская, но противостояние с некоторой частью внешнего мира вполне заметно. Причем мира не только внешнего, но и внутрироссийского, соответствующую часть которого его противники именуют «пятой колонной». В отличие от предыдущих более или менее «горячих» войн, нынешний этап получил название глобальной информационной или гибридной войны, войны «нового типа». Результатом такой войны может быть развал целой страны без непосредственного применения военной силы.

В связи с этим становится актуальным вопрос о возможной роли научного сообщества в подобных условиях, которые требуют определенной подготовки и профессионализма для адекватного ответа на возникающие перед нашей страной новые вызовы. Не менее важны и вопросы о том, в какой мере занятые наукой люди, работающие в исследовательских институтах или в сфере образования, способны к выполнению этой дополнительной роли и что может способствовать повышению уровня этой способности. Этим вопросам, которым пока еще уделяется не слишком много внимания, и посвящена настоящая работа.

2. Важность проблемы, связанной с потенциальной и реальной ролью научного сообщества в нынешних условиях, определяется не только тем обстоятельством, что наука уже давно стала одним из основных факторов, определяющих развитие современной цивилизации. Возросло также и число людей, занятых научной работой, хотя это множество вряд ли когда-нибудь будет сравнимо с численностью пролетариата вековой давности.

Ставка на пролетариат, как известно, была одним из краеугольных камней учения, потрясшего в XX в. весь мир, хотя этот класс не был самым многочисленным. Эта ставка в свое время

оправдалась, поскольку адекватно учитывала тогдашние особенности рабочего класса, в частности его способность к организованным массовым действиям. В этом отношении работники науки представлялись совсем незначительным фактором, и вместе с другими представителями «творческих профессий» именовались общим словом «прослойка».

Однако эта «прослойка», среди прочих факторов, оказала заметное влияние на крупнейшую геополитическую катастрофу конца XX в. – крушение «Союза нерушимого». За полвека до этой исторической трагедии СССР выдержал сокрушительный удар со стороны практически всей Европы, объединенной под знаменами Третьего рейха. А в начале 90-х годов многочисленные представители «руководящей и направляющей силы» и прочие «советские люди» оказались не в состоянии реально противодействовать развалу своей страны, хотя и высказались на референдуме 17 марта 1991 г. за сохранение обновленного СССР 113,5 млн голосов (76,43% из 148,5 млн проголосовавших).

Почему же все-таки произошла эта катастрофа? По этому поводу существует ряд конфликтующих мнений, сломано немало копий, и при всем при этом ощущается явный недостаток фундаментальных исследований с отчетливыми результатами и выводами, которые были бы доведены до широкого круга читателей и могли бы «овладеть массами». Фундаментальная наука здесь явно отстает от быстротекущей жизни, уступая свое место, в частности, откровенно недобросовестным сочинениям и выступлениям, игнорирующим необходимость учета достаточного полного набора относящихся к делу фактов и элементарную логику.

3. Между тем уже давно сказано, что наша страна живет в условиях глобальной информационной войны, гибридной войны, войны нового типа. И дело здесь не в новой терминологии, а в реальных отличиях прежних горячих войн от нынешнего противостояния нашей страны и некоторой части окружающего мира.

Сейчас у нас нет горячей войны и нет военного положения. Во время большой горячей войны объявляется мобилизация, провозглашаются лозунги «Все для фронта, все для победы». Такую кровопролитную войну СССР выиграл в 1945 г. А вот другую, не такую, не горячую, без малого через полвека СССР проиграл и в итоге был уничтожен. Так что негорячие войны – дело тоже очень серьезное.

Во время горячей войны кто-то продолжает усиленно заниматься своим основным делом в тылу или на фронте, а у кого-то

род занятий и образ жизни круто меняется. Сейчас другая ситуация, которая в полной мере осознана еще далеко не всеми. Нет достаточно четкого ответа на простой вопрос: «Как должны вести себя граждане, в частности представители научного сообщества, не желающие очередного поражения своей страны в этих новых условиях?»

Не дожидаясь особых приглашений и призывов, таким представителям научного сообщества следует самим мобилизоваться и инициативным образом взять на себя решение чрезвычайно актуальной научно-организационной задачи по созданию интеллектуального сопротивления и противодействия всем вариантам информационной агрессии. Такая задача, вообще говоря, выходит за рамки их основной деятельности. Однако профессиональные качества, которыми в идеале должны обладать все работники науки, вполне подходят для участия в ее решении.

Основная цель этой задачи – мониторинг информационных потоков и обеспечение непрерывного широкомасштабного процесса по нейтрализации, обеззараживанию, разминированию разбрасываемых через СМИ или Интернет ярлыков, штампов и неадекватной аргументации, независимо от их источников и распространителей.

4. Для определенности приведем несколько примеров массового использования подобной неадекватной аргументации вместе с сопутствующими ярлыками и штампами.

В марте 1983 г. президент США Рейган назвал СССР «империей зла». Такой ярлык широко тиражировался мировыми СМИ, но не встречал хлесткого, запоминающегося и адекватного противодействия даже внутри СССР. Это упущение свидетельствовало об организационной и ментальной слабости системы, которая не просуществовала после этого и десяти лет. Следует заметить, что советские лозунги типа «Победа коммунизма неизбежна!» скорее способствовали, чем препятствовали реализации именно такого финала. Ведь если «победа неизбежна», то можно в этом направлении ничего не делать или даже делать все, что угодно! Определение долей умысла и недомыслия в причинах появления подобных лозунгов представляет самостоятельный интерес, но выходит за рамки данной статьи.

Расхожим штампом в СМИ сейчас является тезис о «российской угрозе». При этом утверждается также, что РФ даже опаснее, чем ИГИЛ, поскольку Россия более мощное государство, чем ИГИЛ. Действительно, кто будет спорить с тем, что Россия мощнее

Исламского государства? Разумеется, мощнее. Значит, можно с этим согласиться. А с чем, собственно, с «этим»? Ведь по этой логике получается, что наибольшая опасность для мира исходит от еще более мощной супердержавы – от США! Однако подобный последующий элементарный логический шаг нередко просто не делается и потребитель такой информации фактически соглашается с утверждением о «российской угрозе», превосходящей опасности от ИГИЛ.

Другим примером является аргументация против введения в России системы прогрессивного налогообложения, в которой величина налога растет относительно быстрее, чем сумма, облагаемая налогом. Стандартное возражение против такой схемы сводится к тому, что в случае ее принятия государство не сможет собрать такой налог, поскольку часть потенциально облагаемой суммы уйдет «в тень», «в конверты» и т.п. Использование такой аргументации означает, что представители государства фактически расписываются в его полной импотенции, ибо надлежащий сбор налогов – одно из необходимых условий для нормального существования и функционирования государства. Однако большинство гражданского общества, включая научное сообщество, воспринимают подобную аргументацию как само собой разумеющуюся и не демонстрирует по этому поводу заметной озабоченности, по-видимому, не задумываясь о том, могут ли такие представители государственной власти реально бороться с поразившей нашу страну коррупцией и правовым беспределом.

В нынешнем году исполняется четверть века со времени принятия 24 октября 1991 г. Закона «Об индексации денежных доходов и сбережений граждан». В Постановлении Конституционного суда РФ от 31 мая 1993 г. было указано, что неисполнение этого закона в полном объеме нарушает конституционные права граждан. Жертвами этого нарушения стали не только вкладчики Сбербанка, но и миллионы других граждан, включая почти всех работников бюджетной сферы, пенсионеров и студентов.

Для «обоснования» этого массового нарушения законности неоднократно использовались утверждения о том, в частности, что «денег нет», что «деньги обесценились» и что «вклады сгорели». Неадекватность подобной аргументации и подобных штампов очевидна уже из того факта, что именно неисполнение Закона об индексации явилось причиной инфляционного обесценивания российских денег, которыми были заменены советские рубли.

В отличие от реформаторских дензнаков на советских деньгах – казначейских и банковских билетах – было напечатано следующее: «Государственные казначейские билеты обеспечиваются всем достоянием Союза ССР...» и «Банковские билеты обеспечиваются золотом, драгоценными металлами и прочими активами государственного банка». А на обложках советских сберкнижек были напечатаны такие слова: «Государство гарантирует тайну вкладов, их сохранность и выдачу по первому требованию вкладчика». И это была не реклама, а ст. 395 ГК РСФСР 1964 г.

Надлежащее исполнение Закона об индексации не позволило бы осуществить ограбление вкладчиков Сбербанка и сотворить «из воздуха» (еще один штамп!) состояния «новых русских». Невозможность исполнения этого закона порой аргументируют тем, что возврат восстановленных вкладов неминуемо подорвет не только Сбербанк, но и всю российскую экономику. Госимущество СССР нередко называли «ничьим», но такой штамп не соответствовал реальности уже хотя бы потому, что «народное достояние» было обременено долгами перед конкретными людьми, отдавшими свои деньги на государственное хранение. Организаторы приватизации при строительстве демократического и правового государства просто-напросто проигнорировали это обременение, отказавшись от выплаты гражданам страны соответствующих долгов.

5. История Закона об индексации и все многочисленные правовые, социальные, политические и другие последствия его неисполнения очень слабо отражаются в отечественных СМИ и находятся фактически в условиях информационной блокады. Свой «вклад» в это прискорбное состояние внесло и научное сообщество, профессиональные представители которого за прошедшие десятилетия вполне могли бы проинформировать широкую общественность о результатах своих фундаментальных исследований по всем основным аспектам этого «ограбления века». Однако ничего подобного пока еще не сделано. И так обстоит дело не только с Законом об индексации. Вся наша новейшая история нередко излагается в таких материалах, которые не основаны на фундаментальных исследованиях и просто не соответствуют действительности.

Подобные подходы к истории гораздо более опасны, чем поиски «новой хронологии» А.Т. Фоменко и его соавторов. Небрежное отношение к истории, неадекватная реакция профессионалов даже на случаи ее крайне односторонних трактовок

и просто грубых искажений в условиях масштабной информационной войны быстро приводят к тяжелым, трагическим последствиям. Очевидным примером такой эволюции являются нынешние события на Украине. Предотвращению подобных исторических «разворотов» может способствовать более активная, чем сейчас, работа по доведению до широких слоев населения основ научного подхода к обсуждению и анализу общественно значимых проблем. Такой подход требует, в частности, учета достаточно полного набора относящихся к делу фактов и строгого соблюдения логики при их анализе. В ходе популярных телевизионных ток-шоу, участниками которых бывают представители различных наук, эти базовые принципы соблюдаются далеко не всегда. Популяризация полноценного научного подхода к выработке и отстаиванию адекватной гражданской позиции в условиях информационной войны является одной из важнейших задач научного сообщества, для решения которой, кроме результатов фундаментальных исследований, нужны еще и дополнительные организационные усилия.

*«Информационные войны»,
Юбилейный (МО), 2016 г., № 3 (39), с. 37–40.*

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

И. Зайцев,

доктор исторических наук,
ВРИО директора ИНИОН РАН,
доцент кафедры стран Центральной Азии
и Кавказа ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова,
ведущий научный сотрудник ИВ РАН

ИЗУЧЕНИЕ И КАТАЛОГИЗАЦИЯ СОБРАНИЙ АРАБСКИХ, ПЕРСИДСКИХ И ТЮРКСКИХ РУКОПИСЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗА ИСТЕКШИЕ 25 ЛЕТ (1991–2016)¹

*Дело дипломатической критики так
трудно, что вообще надо взять за пра-
вило – относиться с возможно большим
вниманием к своему труду и с возможно
большим снисхождением к чужому.*

Н.П. Лихачёв

Для восточной археографии в нашей стране 1991 год стал рубежом. С одной стороны, на долгие годы расстроились или вовсе прервались хрупкие связи между востоковедами-рукописниками бывших союзных республик. В начале марта 1988 г. в Ленинграде прошло Всесоюзное рабочее совещание по проблемам восточной археографии. Оно стало в истории советской археографии последним. Его материалы были изданы в Москве в 1990 г.² Только более чем через 20 лет, в 2011 г., казанскими

¹ Я признателен заведующему отделом рукописей и редких книг Национальной библиотеки Республики Татарстан Айрату Зигангировичу Загидуллину за ценные советы, высказанные во время подготовки статьи.

² Полосин В.В. Фонды рукописей и старопечатных книг, актов и эпиграфических материалов на языках народов советского и зарубежного Востока в СССР // Archaeographia Orientalis. Материалы Всесоюзного рабочего совещания

археографами была предпринята попытка собрать совещание по проблемам восточной археографии на федеральном уровне³.

С другой стороны, распад страны открыл необычайно широкие возможности для международного сотрудничества, сделав более доступными зарубежные центры для ученых бывшего СССР, а отечественные хранилища для исследователей из-за рубежа. Одним из результатов этого стала публикация результатов каталогизации рукописей из собраний некоторых бывших союзных республик за их пределами и/или при поддержке государственных структур других стран (прежде всего, Ирана и Турции)⁴.

Для некоторых регионов бывшего СССР конец 1990-х и начало 2000-х стали временем возобновления насильственно прерванной археографической работы 1920-х годов. Так случилось, например, в Крыму, где к настоящему времени написана краткая история изучения рукописей Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника (БИКАМЗ)⁵.

по проблемам восточной археографии. Ленинград 1–4 марта 1988 г. М., 1990. См. также статью А.Б. Халидова *Collections of Islamic manuscripts in the former Soviet Union and their cataloguing // The significance of Islamic manuscripts: proceedings of the Inaugural Conference of Al-Furqan Islamic Heritage Foundation (30th November–1st December 1991)*. Ed. J. Cooper. London: Al-Furqan Islamic, Heritage Foundation (Publication no. 3), 1992. С. 31–44.

³ Восточные рукописи: Современное состояние и перспективы изучения. Материалы круглого стола (Казань, 1 декабря 2011 г.). Казань, 2011.

⁴ Например, двуязычный (грузинско-турецкий) каталог турецких рукописей института рукописей им. Кекелидзе Грузии (Тбилиси, 2004), изданный при поддержке Турции; каталоги персидских рукописей Института рукописей НАН Азербайджана (*The Persian Manuscripts preserved in The Manuscripts Institution of Azerbaijan Republic's Academy (Catalogue)*. Vol. 1. By Dr. M. Adelov. Tehran, 2001), Таджикистана (*The List of the Persian Manuscript of the Tadjikestan Institute. «First Volume»*). Ed. by Seyed Ali Moujani, Amr Yazdan Ali Mardan. Tehran, 1997; *The Catalogue of the Manuscripts from the Badaxshan Province of Tajikistan*. Transl. by Q. Ilchibek, S.A. Xumarov. Ed. by S.A. Moujani. Qum: Large Library of Ayatallah al-Azama Mar'ashi Najafi, 1376/1997), Узбекистана (*The List of the Persian Manuscripts of the Treasury of Abu Raiyhan Beeroni Oriental Institute. Tashkent. Part 1 of First Volume. History, 1376/1997; The Catalogue of the Manuscripts from the Rounaqi Library. Shahr-i Sabz (Uzbekistan)*). Comp. by Sh. Vahidov, A. Erkinov. Ed. S.A. Moujani. Qum: Large Library of Ayatallah al-Azama Mar'ashi Najafi, 1377/1998) и др.

⁵ *Зайцев И.В.* Исламские рукописи в Крыму: История и перспективы изучения (вместо предисловия) // *Рамазанова У.Н.* Рукописные и старопечатные Кораны в собрании Бахчисарайского музея-заповедника. Каталог. Белгород: Константа, 2016. С. 6–7.

Отдельная статья посвящена рукописям суфийского содержания⁶. Крупным археографическим достижением была публикация в 2007 г. указателя рукописных и старопечатных книг, переданных в 1976 г. из Бахчисарайского историко-археологического музея в нынешнюю РНБ в Санкт-Петербурге⁷. Установлены потери рукописей и редких книг Музея в период Великой Отечественной войны⁸. В 2016 г. издан альбом списков текста Корана из собрания Музея⁹. Ведется работа по каталогизации рукописей и старопечатных книг из библиотеки медресе Зынджирлы, хранящихся в БИКАМЗ¹⁰.

Отечественные археографы за прошедшее время добились ощутимых результатов. Продолжилась каталогизация больших собраний арабографичных рукописей Санкт-Петербурга (Институт восточных рукописей РАН, Российская национальная библиотека), в целом завершенная еще к исходу существования советской власти. В 1993 г. вышел в свет подготовленный О.Ф. Акимушки-

⁶ Абдульвапов Н. Художественные произведения религиозно-суфийского содержания в собрании рукописных и старопечатных книг ханского дворца-музея в Бахчисарае // Культура народов Причерноморья. 2005. № 57. Т. 2. С. 92–98.

⁷ Бахчисарайская книжная коллекция в Российской национальной библиотеке. Указатель рукописных и старопечатных книг, переданных в 1976 г. из Бахчисарайского историко-археологического музея в Государственную публичную библиотеку им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Составление, вступительная статья, комментарии Н. Абдульваапа. Симферополь, 2007.

⁸ Культурные ценности из собрания Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника, утраченные или перемещенные в результате Великой Отечественной войны / Подгот. текста, сост. И.В. Зайцева, Р.Р. Эминова. Вступ. ст., пер., указ. И.В. Зайцева. М.: Кучково поле, 2015 (Рец.: А.А. Непомнящий // Крымское историческое обозрение. 2015, № 4); Зайцев И.В. Книжные и рукописные памятники Бахчисарайского историко-культурного и архитектурного музея-заповедника, утраченные в ходе Великой Отечественной войны // Книжная культура. Опыт прошлого и проблемы современности. К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Материалы VI Международной научной конференции. Москва, 25–26 ноября 2015 г. М.: ФГБУН НИЦ «Наука» РАН, 2015. С. 92–95.

⁹ Рамазанова У.Н. Рукописные и старопечатные Кораны в собрании Бахчисарайского музея-заповедника. Каталог. Белгород: Константа, 2016.

¹⁰ Зайцев И.В. Рукописи медресе Зынджирлы и его первоначальное название // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Исламское образование в Крыму: Исторические вехи и пути возрождения, посвященной 515-летию Зынджирлы медресе и памяти его основателя Менгли Герая хана. 10–12 октября 2015 г.», г. Ялта. Симферополь: Терджиман, 2016. С. 36–42.

ным еще к 1980 г. завершающий выпуск Описания персидских и таджикских рукописей Института востоковедения РАН, посвященный поэтическим сборникам и альбомам¹¹. Напечатанный в 2002 г. под редакцией О.Ф. Акимушкина Каталог тюркских рукописей ИВ РАН (ныне ИВР РАН) был составлен Л.В. Дмитриевой (1924–1997) еще в 1980-е годы¹². В 1999 г. был опубликован каталог персидских и таджикских документов РНБ¹³.

Большим достижением стало издание с 1995 г. в Санкт-Петербурге под руководством Е.А. Резвана специализированного англоязычного журнала *Manuscripta Orientalia*, который знакомит зарубежную аудиторию с переводами русскоязычных статей по восточной археографии¹⁴.

Серьезно продвинулась работа в таких центрах, как Дагестан и Казань. Начата работа по каталогизации московских собраний. В 2000-х годах было организовано несколько выставок манускриптов.

Стоит отметить еще две важные тенденции последнего времени.

– **Оцифровка отдельных рукописей и собраний.** В мире эта деятельность ведется весьма активно, и список ресурсов постоянно пополняется¹⁵. В нашей стране в общем электронном доступе представлены некоторые арабские, персидские и тюркские рукописи из собрания Библиотеки МГИМО (Университет) МИД РФ¹⁶, а также тематически подобранные рукописи Российской Национальной библиотеки (рукописи произведений Джами¹⁷,

¹¹ Акимушкин О.Ф. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. Вып. 10. Поэтические сборники, альбомы. М.: Наука. Изд. фирма «Восточная литература», 1993.

¹² Дмитриева Л.В. Каталог тюркских рукописей Института востоковедения Российской академии наук. М.: Изд. фирма «Восточная литература», 2002.

¹³ Ястребова О.М. Персидские и таджикские документы в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Систематический каталог. СПб.: РНБ, 1999.

¹⁴ <http://manuscripta-orientalia.kunstkamera.ru>

¹⁵ Существуют уже довольно объемные сводки таких ресурсов. Для рукописей на фарси см., например, список, составленный Франсисом Ришаром: *Manuscripts Persans Numerisés. Comment les Retrouver? Présentation de quelques ressources* (https://www.academia.edu/21756825/MANUSCRITS_PERSANS_NUMERISÉS_COMMENT_LES_RETROUVER_Présentation_de_quelques_ressources).

¹⁶ http://rarebook.mgimo.ru/book_r/index.php

¹⁷ http://expositions.nlr.ru/ex_manus/jami/gallery.php

Низами¹⁸, Фирдоуси¹⁹). В настоящее время осуществляется оцифровка рукописей из собрания Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН²⁰.

Создан специальный ресурс *Manuscripta Islamica Rossica*, работающий пока в тестовом режиме. <http://manuscriptaislamica.ru>

– **Появление и каталогизация частных коллекций.** Частные собрания существовали и раньше, однако в последнее время возможности их пополнения за счет приобретения рукописей за рубежом Российской Федерации резко возросли. Появилось несколько негосударственных фондов и частных коллекционеров, некоторые из них ведут выставочную деятельность²¹. Ряд рукописей из частных коллекций отмечен в литературе²².

Настоящий обзор учета и каталогизации коллекций арабских, персидских и тюркских рукописей в собраниях России за 25 последних лет не претендует на исчерпывающую полноту, которая целиком зависит от информированности автора. Предвижу, что в силу большего личного интереса к рукописям на тюрки, значительный объем литературы по арабским и персидским манускриптам остался мне неизвестен.

Указатель разделен по географическому принципу:

Башкортостан (Уфа)

Дагестан (Махачкала)

Северный Кавказ (Ингушетия, Кабардино-Балкария)

Сибирь (Красноярск, Новосибирск)

Татарстан (Казань, Булгар)

¹⁸ http://expositions.nlr.ru/ex_manus/nizami/3.php

¹⁹ http://expositions.nlr.ru/ex_manus/shahnama/list.php

²⁰ <http://peri-foundation.com/ru/novosti/nashi-novosti/20170331-1.html> См. также: http://eap.bl.uk/database/overview_project.a4d?projID=EAP957

²¹ См., например: Арабские, персидские и тюркские рукописи из собрания Фонда Марджани. Каталог выставки (Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы, 27–31 мая 2013 г.). Сост. Зайцев И., Ласикова Г., Филатова М. М., 2013. 47 с. / Arabic, Persian and Turkish Manuscripts from the Collection of Mardjani Foundation. Catalogue of the Exhibition (All-Russian State Library for Foreign Literature, May 27–31, 2013). Compiled by Ilya Zaytsev, Galina Lasikova, Maria Filatova. Moscow, 2013. 47 p.; Классическое искусство исламского мира IX–XIX веков. Девяносто девять имен Всевышнего. М: Издательский дом Марджани, 2013. (Каталог выставки «Классическое искусство исламского мира IX–XIX веков. Девяносто девять имен Всевышнего». 20 февраля – 19 мая 2013 г. ГМИИ им. А.С. Пушкина).

²² Например, список Корана из коллекции А.А. Жукова. См.: Rezvan E. The Qur'an of Petr Stolypin (?) // Manuscripta Orientalia. Vol. 10. N 3. 2004.

Центральная Россия (Иваново, Москва, Санкт-Петербург)
Все издания просмотрены de visu.

БАШКОРТОСТАН

**Уфа. Институт истории, языка
и литературы Уфимского научного центра РАН**

История сложения рукописного фонда Института и его характеристика подробно описана в публикациях И.Г. Галяутдинова и его коллег. Тюркские рукописи скрупулезно описаны в каталоге: *Булгаков Р.М., Галяутдинов И.Г.* Описание восточных рукописей Института истории, языка и литературы. Часть 1. Тюркские рукописи. Раздел 1. Произведения XII – начала XVIII века. Раздел 2. Произведения XIX–XX веков. Раздел 3. Башкирские родословные XIX – начала XX века. Уфа: Гилем, 2009. Первый раздел этого каталога ранее выходил самостоятельным изданием²³. Во введении к книге даны сведения об археографической работе ИИЯЛ вплоть до 1988 г.

ДАГЕСТАН

Археографическая работа в республике сосредоточена в Институте истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН и Дагестанском государственном университете.

Фонд рукописей Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН был создан в 1963 г. В феврале 2008 г. Ученый совет ИИАЭ ДНЦ РАН принял решение о создании в Институте нового структурного подразделения – рукописного фонда на правах отдела в составе Центра востоковедения (отдел восточных рукописей). Работа этого нового отдела непосредственно связана с локализацией, фиксацией и изучением письменных памятников на восточных (арабском, тюркском, персидском) и дагестанских языках.

В состав фонда включено 13 653 единицы хранения, в том числе около 4 тыс. рукописей, 5819 писем, печатные книги.

²³ *Булгаков Р.М.* Описание восточных рукописей Института истории, языка и литературы. Часть 1. Тюркские рукописи. Выпуск 1. Произведения XII – начала XVIII века. Уфа: Гилем, 2002.

Документы систематизированы в следующих фондах:

Ф. 13 – библиотека востоковедов;

Ф. 14 – рукописи на арабском, персидском, тюркском языках и на аджаме (на аварском, кумыкском, лакском, даргинском языках);

Ф. 15 – старопечатные книги на восточных языках, изданные в Стамбуле, Каире, Казани, Темир-хан Шуре, Порт-Петровске, Тегеране;

Ф. 16 – письма и актовый материал на восточных языках; содержат переписку должностных лиц, сельских общин, акты купли-продажи, указы и постановления;

Ф. 30 – фото (ксерокопии) рукописей, старопечатных книг и документов на восточных языках из собраний библиотек России и зарубежья;

ФМС – Фонд М.-С. Саидова (1902–1985), к.ф.н., заслуженного деятеля науки Дагестана.

Информация о документах фонда восточных рукописей ИИАЭ ДНЦ РАН размещена на сайте Архива РАН: <http://www.iran.ru/?q=ru/node/388>

Подробные сведения об истории создания фонда восточных рукописей ИИАЭ ДНЦ РАН и его материалах содержатся в статье А.И. Османова, Ш.Ш. Шихалиева²⁴.

Часть этого богатейшего собрания снабжена подробными каталогами. Издан каталог собрания М.-С. Саидова²⁵, Дийа'ддина ал-Курихи²⁶, каталог списков текста Корана²⁷.

Дагестанские археографы на протяжении ряда лет проводят очень важную работу по выявлению и описанию книжных коллекций республики, в особенности мечетных и частных. Предварительный подсчет говорит о том, что их число доходит до 700. Дагестан занимает исключительное место по количеству таких неучтенных общественных и частных собраний. Введение в научный

²⁴ Османов А.И., Шихалиев Ш.Ш. Письменные памятники Востока в составе рукописного фонда ИИАЭ ДНЦ РАН // Письменные памятники Востока. 2009. № 1. С. 189–196.

²⁵ Шихсаидов А.Р., Омаров Х.А. Каталог арабских рукописей (коллекция М.С. Саидова). Махачкала: Издательство типографии ДНЦ РАН, 2005.

²⁶ Шихсаидов А.Р., Наврузов А.Р., Закарияев З.Ш., Мамед-заде Н.Г. Каталог арабских рукописей и старопечатных книг. Коллекция Дийа'ддина Йусуф-хаджи ал-Курихи. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2011.

²⁷ Торжество святости и красоты: Кораны Дагестана. Автор-составитель Ш.Ш. Шихалиев. М. – Нижний Новгород: Издательский дом «Медина», 2008.

оборот материалов библиотек, принадлежащих частным лицам, продолжается. Так, отдельно опубликован каталог коллекции, связанной с именем накшбандийского шейха Дийа'ддина Йусуф-хаджжи ал-Курихи ат-Табасарани (1860–1932)²⁸.

Общие обзоры

Османов А.И., Шихалиев Ш.Ш. Письменные памятники Востока в составе Рукописного фонда ИИАЭ ДНЦ РАН // Письменные памятники Востока. № 1 (10). 2009.

Шихсаидов А.Р. Рукописные коллекции Дагестана // Торжество святости и красоты: Кораны Дагестана. М. – Нижний Новгород: Изд. дом «Медина», 2008. С. 5–40²⁹.

Шихсаидов А.Р., Тагирова Н.А., Гаджиева Д.Х. Арабская рукописная книга в Дагестане. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2001.

Shikhsaïdov A. Muslim Treasures of Russia. II: Manuscript Collections of Daghistan. Part I-II // Manuscripta Orientalia. Vol. 12, № 4, 2006 – Vol. 13, № 1. 2007.

Каталоги и списки

Алибекова П.М. Каталог персидских рукописей Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Вып. 1. Махачкала: ДНЦ РАН, 2001.

Омаров, Х. А. Списки Коранов, хранящихся в Фонде восточных рукописей ИИАЭ: обзор и описание // Ислам и исламская культура в Дагестане. М., 2001³⁰.

Каталог арабских рукописей Научной библиотеки Дагестанского государственного университета. Составители: А.Р. Шихсаидов

²⁸ *Шихсаидов А.Р., Наврузов А.Р., Закарияев З.Ш., Мамед-заде Н.Г.* Каталог арабских рукописей и старопечатных книг. Коллекция Дийа'ддина Йусуф-хаджжи ал-Курихи. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2011.

²⁹ Указание на то, что эта статья впервые была опубликована в книге «Арабская рукописная книга в Дагестане» / А.Р. Шихсаидов, Н.А. Тагирова, Д.Х. Гаджиева. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2001 ошибочно. Есть несколько сетевых версий текста: <http://islamdag.ru/istoriya/31054> и <http://www.idmedina.ru/books/regions/?4253>

³⁰ Английская версия: *Omarov H.* The Qur'anic MSS of the Oriental Manuscripts Fund of the Daghistan Institute of History, Archaeology and Ethnography: Preliminary Description // Manuscripta Orientalia. Vol. 10, № 3, 2004.

дов, Х.А. Омаров, Д.Х. Гаджиева, П.М. Алибекова. Махачкала, 2004.

Торжество святости и красоты: Кораны Дагестана. М. – Нижний Новгород: Изд. дом «Медина», 2008.

Шихсаидов А.Р., Омаров Х.А. Каталог арабских рукописей (коллекция М.С. Саидова). Махачкала: Издательство типографии ДНЦ РАН, 2005.

Шихсаидов А.Р., Наврузов А.Р., Закарияев З.Ш., Мамедзаде Н.Г. Каталог арабских рукописей и старопечатных книг. Коллекция Дийа'ддина Йусуф-хаджи ал-Курихи. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2011. *Шихсаидов А.Р.* Каталог арабских рукописей: Коллекция Хаджи Ибрагима Урадинского. Махачкала: МавраевЪ, 2014.

Тематические подборки

Халидов А.Б., Шихсаидов А.Р. Manuscripts of al-Ghazali's works in Daghestan // Manuscripta Orientalia. 1997. Vol. 3, № 2, June. P. 18–30.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

Ингушетия

Общая работа по ингушской письменности с привлечением рукописного материала: *Дударов А.М.М.* История эволюции ингушского письма. Магас, 2017.

Dudarov A.-M. The Arabographic Script of the Ingush. A Letter from the Front // Manuscripta Orientalia. Vol. 17, № 2. 2011.

Кабардино-Балкария

Вплоть до настоящего времени археографическая работа на территории Кабардино-Балкарии и других областей Северо-Западного Кавказа не велась.

Первый опыт каталогизации мусульманских старопечатных изданий и рукописей Северо-Западного Кавказа предпринят

В.О. Бобровниковым³¹. Из-за отсутствия в республике подготовленных специалистов-востоковедов экспедиции не удалось сделать на месте подробное описание коллекций и собрать все сведения, необходимые для характеристики находящихся в их составе сочинений. Произведена во многом случайная первичная выборка, не отражающая в полной мере всего комплекса книжной продукции дореволюционной Кабарды. Многие материалы сохранились в дефектных копиях, без начала и конца. Основываясь на ксерокопиях, сделанных в Фонде Купова в Нальчике (архив Кабардино-Балкарского государственного института гуманитарных исследований), а также в ряде мечетных и личных собраний из г. Тырныауз, селений Былым, Эльбрус, Яникой и др. В.О. Бобровников идентифицировал все собранные экспедицией восточные рукописи и старопечатные материалы XVIII – начала XX в., попытавшись, насколько возможно, определить их авторство, время написания или издания, разделить по тематике и, наконец, составить первичный каталог собранных нарративных и документальных материалов.

СИБИРЬ

Общий обзор книжной культуры сибирских мусульман см.: *Бустанов А.К.* Книжная культура сибирских мусульман. М.: Издательский дом Марджани, 2013.

Красноярск

Введена в научный оборот кашмирская по происхождению рукопись из коллекции красноярского библиофила Г.В. Юдина в Государственной универсальной научной библиотеке Красноярского края³².

³¹ *Бобровников В.О.* Каталог рукописей и старопечатных книг на арабском, персидском и тюркских языках из Кабардино-Балкарии // Письменные памятники Востока. 2005, весна-лето, № 1 (2). С. 239–303. Английская версия: Manuscripta Orientalia. Vol. 16, № 1. 2010.

³² *Зайцев И.В.* Кашмирская рукопись кокандского хана // «Живем дружно, “молодые” разного возраста...» Сборник статей в память востоковеда-тюрколога, А.Н. Самойловича. М., 2012. С. 68–69.

Новосибирск

Собрание Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН имеет каталог³³.

ТАТАРСТАН

Археографическая работа в Татарстане сосредоточена в нескольких учреждениях – Отделе рукописей Национальной библиотеки Республики Татарстан, Отделе рукописей Научной библиотеки Казанского (Приволжского) федерального университета и Центре письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан.

Публикуются отдельные документы и рукописи из Национального архива РТ³⁴. В Казани выходит специализированный архивный журнал «Эхо веков», на страницах которого восточной археографии уделяется значительное место.

М.И. Ахметзянов издал исследование, посвященное татарским шеджере и их спискам³⁵, а также сборник работ по истории татарской рукописной книги³⁶. М.А. Усманов опубликовал книгу о археографической работе казанских ученых³⁷.

³³ Арабские и турецкие рукописи Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН в Новосибирске: Каталог. Составил И.В. Зайцев. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2014. 104 с. (Материалы к Сводному каталогу рукописей, старопечатных и редких книги в собраниях Сибири и Дальнего Востока).

³⁴ Например, в Токио в 2016 г. вышла двуязычная (англо-русская) публикация биографии Ризаэддина Фахретдинова по рукописям из собрания НА РТ («My Biography» of Rida' al-Din b. Fakhr al-Din (Ufa, 1323 A.H.) with an Introductory Essay and Indexes. Ed. by Marsil N. Farhkshtov, Isogai Masumi and Ramil M. Bulgakov. Tokyo. The University of Tokyo, 2016. TIAS Central Eurasian Research Series No 11).

³⁵ Ахметзянов М.И. Татарские шеджере (исследование татарских шеджере в источниковедческом и лингвистическом аспектах по спискам XIX–XX вв.). Казань: Татарское книжное изд-во, 1991.

³⁶ Әхмәтҗанов М. Татар кулъязма китабы. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2000.

³⁷ Госманов М.А. Каурый каләм эзеннән. Археограф язмалары Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1994.

Национальная библиотека Республики Татарстан

История и комплектование

Загидуллин А.З. Комплектование восточными рукописями фонда Национальной библиотеки Республики Татарстан // VIII ежегодная конференция Российской библиотечной ассоциации «Библиотека и духовная культура», Псков, 12–18 мая 2003 г. СПб., 2004. № 29. С. 15.

Марданов Р.Ф. Великое наследие: коллекция восточных рукописей // Казань. 2015. № 9. С. 56–57.

Отдельные рукописи и документы и их публикации

Мустакимов И.А., Загидуллин А.З. О новонайденном списке сочинения «Талхӱс ал-мифтӱх фӱ 'илм ал-балӱга» // Восточные рукописи: Современное состояние и перспективы изучения: Материалы круглого стола. Казань, 2011. С. 141–143.

В библиотеке создана серия «Татар археографиясе» («Татарская археография», вышло 15 томов). Значительная часть археографической работы выполняется ведущим библиотекарем редакционно-издательского отдела Национальной библиотеки РТ Р.Ф. Мардановым:

Мавля Кулуй. Поэмы / Сост. Р.Ф. Марданов; отв. ред. И.Г. Хадиев. Казан: Милли китап нәшрияты, 2008. 88 с. (серия «Татарская археография»; 1-я книга). – На татар. яз.

Эпос о Туляке / Сост. Р.Ф. Марданов; отв. ред. И.Г. Хадиев. Казан: Милли китап нәшрияты, 2008. 76 с. (серия «Татарская археография»; 2-я книга). – На татар. яз.

«Кыйссаи Йосыф» поэмасының Татарстан Милли китапханәсендә саклана торган кулъязмаларына тасвирламалар / Төз.-авт. Мәрданов Р.Ф. Казан: Милли китап нәшрияты, 2009. 92 б. («Татар археографиясе» сериясе; 3 нче китап).

Мөхәммәдьярның «Нуры Содур» поэмасы: әсәрнең Татарстан Милли китапханәсендә саклана торган кулъязмалары / Төз.-авт. Мәрданов Р.Ф. Казан: Милли китап нәшрияты, 2009. 128 б. («Татар археографиясе» сериясе; 4 нче китап).

Мәрданов Р.Ф. Китапларда милләт язмышлары... / Раиф Мәрданов. Казан: Милли китап нәшрияты, 2010. 92 б. («Татар археографиясе» сериясе; 5 нче китап).

[Мөхәммәтәмин]. Кыйссаи Мансур / Төз.-авт. Мәрданов Р.Ф. Казан: Милли китап нәшрияты, 2010. 128 б. («Татар археографиясе» сериясе; 6 нчы китап).

Фәезханов Хөсәен. Кыскача татар тарихы / Төз. Мәрданов Р.Ф. Казан: Милли китап нәшрияты, 2011. 68 б. («Татар археографиясе» сериясе; 7 нче китап).

Сәяхәтнамәләр / Төз. Мәрданов Р.Ф. Казан: Милли китап нәшрияты, 2011. 84 б. («Татар археографиясе» сериясе; 8 нче китап).

Мәүлә Колый поэмалары: «Береккәннәр сыйфаты»; «Хәләл нәфәка эстәгәннәр сыйфаты» / Төз. Мәрданов Р.Ф. Икенче басма. Казан: Милли китап нәшрияты, 2011. 88 б. («Татар археографиясе» сериясе; 1 нче китап).

Библиотека Марджани: Научно-библиографический сборник / Сост. Р.Ф. Марданов; отв. ред. И.Г. Хадиев. Казан: Милли китап нәшрияты, 2004. 122 с. – На татар. яз.

Общество культуры тюрко-татар города Шанхая / Сост. Р.Ф. Марданов. Казан: Милли китап нәшрияты, 2012. 184 с. (Серия «Татарская археография»; 9-я книга). – На татар. яз.

Сказание о девушке / Сост. Р.Ф. Марданов. Казань: Милли китап нәшрияты, 2012. 184 с. (Серия «Татарская археография»; 10-я книга). – На татар. яз.

Сөрген хатлары / Төз. Мәрданов Р.Ф. Казан: Милли китап нәшрияты, 2013. 103 б. («Татар археографиясе» сериясе; 11 нче китап).

«Гәүһәр Болгарга килдем...»: Тарихи бәетләр / Төз. Мәрданов Р. Казан: Милли китап нәшрияты, 2013. 128 б. («Татар археографиясе» сериясе; 12 нче китап).

Байты периода Первой мировой войны / Сост. Р.Ф. Марданов; отв. ред. И.Г. Хадиев. Казан: Милли китап нәшрияты, 2014. 119 с. (серия «Татарская археография»; 13-я книга). – На татар. яз.³⁸

³⁸ Публикация текстов байтов, посвященных Первой мировой войне. Байты дошли до нас в виде записной книжки, которая вместе со своим владельцем Мифтахутдином Галимовым, пережившим тяжелые условия немецкого плена, возвратилась на Родину. В издании содержатся тексты четырех байтов, публикуемых впервые. Во вступительной статье дается обзор опубликованных в 1914–1917 гг. и позднее книжек и сборников, рукописных вариантов татарских байтов о Первой мировой войне, приводятся сведения о татарских военнопленных тех лет.

История села Алькино / Сост. Р.Ф. Марданов; отв. ред. И.Г. Хадиев. Казан: Милли китап нәшрияты, 2014. 164 с. (серия «Татарская археография»; 14-я книга). – На татар. яз.³⁹

Тинчурин К. Каракуз: музыкаль мелодрама; Нәни абый: комедия / [Төз. Раиф Мәрданов]. Казан: Милли китап нәшрияты, 2015. 192 б. («Татар археографиясе» сериясе; 15 нче китап). Бу китапта күренекле татар драматургы Кәрим Тинчуринның сәхнә өчен ижат иткән «Каракуз» (1929) һәм «Нәни абый» (1925) пьесалары нәшер ителде. Пьеса текстлары автор кулъязмасыннан күчерелеп, матбугатта беренче мәртәбә басылды.

Тинчурин К. Чит илләрдә: хыялый комедия / [Төз. Раиф Мәрданов]. Казан: Милли китап нәшрияты, 2015. 108 б. («Татар археографиясе» сериясе; 16 нчы китап). – 300 данә. Бу китапта мәшһүр татар драматургы Кәрим Тинчуринның «Чит илләрдә» (1925) пьесасы нәшер ителде. Пьесаның тексти автор кулъязмасыннан күчерелеп, матбугатта беренче мәртәбә басылды.

Публикации в средствах массовой информации о восточных рукописях хранящихся в отделе рукописей и редких книг Национальной библиотеки РТ:

Кашапова Сөембикә. Кулъязмаларда – милләт язмышы // Мәдәни жомга. 2015. 4 сентябрь (№ 34). С. 12–13.

Кашапова С. Кулъязмалар эзләп – экспедицияләргә // Мәдәни жомга. 2016. 18 ноябрь (№ 45). С. 15.

Научная библиотека Казанского (Приволжского) федерального университета

Итоги работы изложены в статье З.С. Миннулина⁴⁰.

³⁹ История села Алькино Похвистневского района Самарской области. В книге описывается история села, впервые публикуются рукописные источники Х. Алтынбаева и М. Муради, а также стихотворное произведение, посвященное движению муллы Мурада. Издание снабжено вступительной статьей, примечаниями, описанием рукописей, иллюстрировано факсимиле некоторых страниц рукописи.

⁴⁰ *Миннуллин З.С.* Итоги и перспективы развития восточной археографии в Казанском (Приволжском) федеральном университете // Восточные рукописи: Современное состояние и перспективы изучения. Материалы круглого стола (Казань, 1 декабря 2011 г.). Казань, 2011. С. 26–30.

История казанской археографии тесно связана с именем А. Фатхи, изучению архива которого посвятил статью А.К. Бустанов⁴¹.

Персидская часть коллекции получила подробное описание в каталогах А.А. Арслановой⁴².

Отдельные рукописи

Халидов А.Б. Сборная арабская рукопись из библиотеки Казанского университета // Петербургское востоковедение. Вып. 5. СПб., 1994. С. 295–302.

Халидов А. Казанская рукопись Сибавайхи // Гасылар Авазы – Эхо веков, 1999, № 3/4⁴³.

Эль Сабрути Р.Р. Социально-культурный фон древнеарабской рукописи «Жемчужины диких и чудес» // Наследие Мирзы Казем-бека: История и современность. Доклады и сообщения международной научной конференции (г. Казань, 20–21 ноября 2013 г.). Баку, 2014–2015.

Каталог на фарси

Фехрист-и нусхаха-йи хатти-йи китабхана-йи данишгах-и Казан. Кум, 2003.

Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан, в котором в 2011 г. на базе отдела рукописей и текстологии был создан Центр письменного и музыкального наследия. История создания и достижений

⁴¹ *Бустанов А.К.* Личный архив татарского археографа Альберт Фатхи и восточная археография в Казанском университете во второй половине XX в. // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11. № 1. С. 160–174. См. также: Альберт Фатхи: Статьи и воспоминания / Сост. Р.Ф. Марданов. Казань: Тамга, 2007; *Ахунов А.* Тропинка к книге. Археограф и библиограф Альберт Фатхи // Казань. 1999. № 12. С. 77–78.

⁴² *Арсланова А.А.* Описание рукописей на персидском языке Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета. Вып. I. М. – Казань, 2005; *Арсланова А.А.* Описание рукописей на персидском языке Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета. Вып. II. Казань, 2015.

⁴³ Английский вариант *Khalidov A. A Kazan Manuscript of Sibawayhi* // Manuscripta Orientalia. Vol. 6, № 2. 2000.

Центра исчерпывающе изложена в статье Р.Ф. Исламова⁴⁴. Центр хранит более 200 фондов (около 50 000 единиц хранения). Среди них рукописные книги на татарском, арабском, персидском и турецком языках, личные архивы писателей и деятелей культуры, архив Института и ряд коллекций.

М.И. Ахметзяновым издан путеводитель по фондам и коллекциям собрания⁴⁵.

Персидские рукописи собрания имеют подробный каталог, выпущенный С.М. Гилязутдиновым⁴⁶.

Булгар (Болгарский историко-архитектурный музей-заповедник)

Собрание арабографичных старопечатных и рукописных книг БГИАМЗ начало формироваться в 80-х годах XX в. Отдельные рукописи были приобретены в Бугульминском, Сармановском, Балтасинском, Арском и Спасском районах РТ. Начиная с 1995 г. рукописный и печатный фонд пополнялся усилиями археографа-любителя из Ульяновска Мухтарова В.Н. В 1995–2005 гг. во время посещения Нурлатского, Буинского, Тетюшского, Апастовского, Дрожжановского районов РТ, а также Мелекесского и Старокулаткинского районов Ульяновской области, Камышлинского района Самарской области им были собраны и переданы в музей-заповедник большое количество рукописей, писем, документов различного характера. Таким образом, в фондах БГИАМЗ накопилось достаточно большое количество книг на восточных языках второй половины XVII–XIX вв. Подавляющее большинство из них составляют рукописные книги на арабском, персидском, татарском языках. Это и художественная литература, сочинения по грамматике арабского языка, по логике, по этике, историческая

⁴⁴ *Исламов Р.Ф.* Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан: Прошлое, настоящее и будущее // Восточные рукописи: Современное состояние и перспективы изучения. Материалы круглого стола (Казань, 1 декабря 2011 г.). Казань, 2011. С. 12–22.

⁴⁵ *Әхмәтҗанов М.* Мирасханә: фонд һәм коллекцияләр күрсәткече. Казан, 2005.

⁴⁶ *Гилязутдинов С.М.* Персидские рукописи Института языка, литературы и искусства. Вып. 1–3. Казань, 2002, 2006, 2007.

литература, произведения религиозного характера и произведения татарских просветителей XVIII–XX вв.⁴⁷

Насколько мне известно, подготовлен каталог персидской части собрания.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ РОССИЯ

Иваново. Ивановский государственный историко-краеведческий музей им. Д.Г. Бурылина

Собрание кратко охарактеризовано, одна рукопись получила подробное описание, подготовлен машинописный каталог коллекции⁴⁸.

Москва

Московские коллекции арабографичных рукописей изучены пока недостаточно. Самую общую сводку арабских манускриптов в Москве дал в свое время А.Б. Халидов⁴⁹, а за ним и В.В. Полосин⁵⁰. Однако эти данные давно устарели. В 2002, а затем в 2007 г. мною были предприняты попытки составления справочно-библио-

⁴⁷ <http://великий-болгар.рф/?p=964>

⁴⁸ *Зайцев И.В.* Новая рукопись белорусских татар // Матэрыялы Х міжнародных кніжнаўчых чытаньняў «Кніжная культура Беларусі XVI – сярэдзіны XVII ст.: да 440-годдзя выдавецкай дзейнасці Мамонічаў». Мінск, 17–18 красавіка 2014 г. Мінск, 2014. С. 209–213; *Зайцев И.В.* Собрание арабских, персидских и турецких рукописей Ивановского государственного историко-краеведческого музея им. Д.Г. Бурылина // XXVIII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Азия и Африка в меняющемся мире». 22–24 апреля 2015 г. Тезисы докладов. СПб., 2015. С. 35–36.

⁴⁹ *Халидов А.Б.* Арабские рукописи в СССР и их изучение // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 73.

⁵⁰ *Полосин В.В.* Фонды рукописей и старопечатных книг, актовых и эпиграфических материалов на языках народов советского и зарубежного Востока в СССР // *Archaeographia Orientalis*. Материалы Всесоюзного рабочего совещания по проблемам восточной археографии. Ленинград 1–4 марта 1988 г. М., 1990. С. 192–193.

графического указателя по московским собраниям арабских, персидских и тюркских рукописей⁵¹.

Для Москвы существует несколько обзоров и выборок: самый общий обзор с указанием литературы⁵²; обзор турецких рукописей по собраниям⁵³, обзор азербайджанских манускриптов по собраниям⁵⁴, списков «Шах-наме»⁵⁵, а также рукописей произведений Алишера Навои⁵⁶, каталог выставки «Исламская рукописная книга из московских собраний» (ГИМ, 2004 г.)⁵⁷.

К настоящему времени из крупных московских коллекций полностью описаны лишь арабографичные рукописные собрания МГУ⁵⁸ и Государственной публичной исторической библиотеки

⁵¹ Зайцев И.В. Арабские, персидские и тюркские рукописи московских собраний: Итоги и перспективы изучения // *Orientalistica Iuvenile: Сборник статей аспирантов и молодых сотрудников ИВ РАН. Выпуск III (Sub Speciae Turcologiae)*. М., ИВ РАН, 2002. С. 86–115; Зайцев И.В. Арабские, персидские и тюркские рукописи и документы московских собраний: Итоги и перспективы изучения (опыт справочно-библиографического указателя) // *Письменные памятники Востока*. № 2 (7). 2007. С. 252–278.

⁵² Зайцев И.В. Арабские, персидские и тюркские рукописи ИВ РАН и восточная археография в Москве // *Восточные рукописи: Современное состояние и перспективы изучения. Материалы круглого стола* (Казань, 1 декабря 2011 г.). Казань, 2011. С. 22–25.

⁵³ Зайцев И.В. Собрание османских рукописей в Москве // *Наука в России*. Июль-август, № 4, 2009. С. 63–67 (то же в английской версии журнала); Зайцев И.В. Турецкие рукописи в Москве // *Günümüz Rusyası'nda Türkiye Çalışmaları*. 25–29 Ocak 2012. İstanbul, 2012. С. 108–117.

⁵⁴ Зайцев И.В. Азербайджанские рукописи в Москве // *Восточные общества: Традиции и современность. Материалы II съезда молодых востоковедов стран СНГ*. Баку, 11–14 ноября 2013 г. Москва – Баку, 2014. С. 243–244.

⁵⁵ Зайцев И.В. Рукописи «Шах-наме» Фирдоуси из московских собраний // *Россия – Иран: Диалог культур. Тезисы докладов и выступлений Международной научной конференции*. Москва, 27–28 октября 2006 г. М., 2006. С. 67–70.

⁵⁶ Рукописи и литографированные издания произведений Алишера Навои в московских собраниях. Каталог. Составитель и автор описания рукописей и литографий – доктор исторических наук И.В. Зайцев. М.: Центр книги Рудомино, 2016. – 208 с., ил.

⁵⁷ Исламская рукописная книга из московских собраний / *Islamic Manuscripts in Moscow Collections*. Государственный исторический музей, 17 августа – 20 сентября 2004 г. Каталог выставки. Автор-сост. И.В. Зайцев. М., 2004. 66 с.

⁵⁸ Зайцев И.В. Арабские, персидские и тюркские рукописи Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского государственного университета. М.: Изд-во-Рудомино, 2006. 157 с. Рецензия: *Dudoignon St.* // *Central Eurasian Reader. A Biennale Journal of Critical Bibliography and Epistemology of Central Eurasian Studies*. Vol. 2 Berlin, 2010. № 14. P. 11–12.

(каталог арабских, персидских и тюркских рукописей и документов ГПИБ России находится в печати. К настоящему времени полностью опубликовано несколько документов⁵⁹ и описание тюркской части⁶⁰, включая старопечатную турецкую книгу⁶¹).

Частично введены в научный оборот рукописи в арабской графике из коллекций Архива РАН (напечатан иллюстрированный каталог выставки рукописей из этого собрания⁶², опубликован ряд документов и обзоров)⁶³, РГБ⁶⁴, ГМБ⁶⁵, РГАДА⁶⁶, ГИМ⁶⁷

⁵⁹ *Зайцев И.В.* Автограф Юсуфа Акчуры в фондах Государственной публичной исторической библиотеки // Гасырлар Авазы / Эхо Веков. № 3/4. Казань, 2000. С. 236–238; *Zaytsev I.* An Autograph by the Arabic Scholar in an Ottoman Book from the Moscow State Public Historical Library Funds // *Manuscripta Orientalia*. Vol. 10, № 3. September 2004. P. 9–13; *Зайцев И.В., Костикьян К.П.* Указ сефевидского шаха Сулеймана еврейской общине Гиляна из собрания Государственной публичной исторической библиотеки в Москве // Ирано-Славика. Ежеквартальный научный журнал. 2010. № 2 (22). С. 48–49.

⁶⁰ *Зайцев И.В.* Тюркские рукописи в Государственной публичной исторической библиотеке // Восточный Архив, № 6–7. М., 2001. С. 110–114; То же в: *Seres Lectionum Studiorumque Instituti Asiae Intereoris*. Vol. 1 / Ed. by F. Birtalan. Budapest, 2002. P. 45–55; *Zaytsev I.* Turkic Manuscripts in the State Public Historical Library in Moscow // *Manuscripta Orientalia*. Vol. 8, № 4. December 2002. P. 28–31.

⁶¹ Турецкие книги в фондах Государственной публичной исторической библиотеки = *Rusya Federasyonu Devlet Halk Tarih Kütüphanesindeki Türkçe Yayınları Bibliografyası*. М., 2006. – Сост. И.В. Зайцев. – 80 с.: ил. Рец. *Hartmut Walravens*. *Zajcev, I.V.*: Tureckie knigi v fondach Gosudarstvennoj publicnoj istoričeskoj biblioteki // *Orientalistische Literaturzeitung* № 103 (2008), 3. S. 403.

⁶² *Зайцев И.В.* Арабские, персидские и тюркские рукописи и документы в Архиве РАН. Предварительные итоги описания // Архив Академии наук – достояние национальной и мировой науки и культуры. Материалы Международной научной конференции. Москва, 10–14 ноября 2008 г. М., 2009. С. 255–259; *Зайцев И.В.* Арабские, персидские и тюркские рукописи и документы в Архиве РАН (Москва). Предварительные итоги описания // Международная научная конференция «Архивное востоковедение». Тезисы. М., 2008. С. 41–42; *Зайцев И.В.* Арабские, персидские и тюркские рукописи и документы в Архиве Российской академии наук. Каталог выставки. М., 2008. 43 с.

⁶³ *Зайцев И.В.* Федор Евгеньевич Корш и Иран // Ирано-Славика. Ежеквартальный научный журнал. 2006. № 3–4 (12). С. 50; *Зайцев И.В.* «Пропавшая грамота» (ярлык крымского хана Селим-Гирея Мустафе-ага 1693 г.) // Тюркологический сборник 2006. М., 2007. С. 174–182; *Зайцев И.В.* Николаевская тугра. (Еще один документ с тугрой Николая I) // История и культура Улуса Джучи 2006. Бергольд Шпулер. «Золотая Орда»: Традиции изучения и современность. Казань, 2007. С. 219–221; *Зайцев И.В.* Федор Евгеньевич Корш и Иран. Статья вторая. Письмо Мирзы Садика Нишапури Ф.Е. Коршу // Ирано-Славика. Ежеквартальный научный журнал. 2008. № 2 (16). С. 19–20; *Бобровников В.О., Зайцев И.В.* Письмо чеченцев Льву Толстому (1905 г.) // Чётки. Литературно-

и МГИМО⁶⁸. Скромная коллекция ВГБИЛ⁶⁹. Опубликовано несколько тематических выборок, которые строились на материалах упомянутых собраний⁷⁰.

философский журнал. 2010. № 3 (9). С. 103–110; *Zaytsev İlyâ, Demiroğlu Hasan*. Rusya İlimler Akademisi Arşivi'nde Bulunan Türk ve Türk Halklarıyla İlgili Bazı Arşiv Belgelerinin Tanıtılması // *Trakya Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi*. Cilt 1, Sayı 1. Ocak 2011. Edirne. С. 74–87; *Зайцев И.В., Усманова Д.М.* Материалы о вайсовском движении в фонде В.А. Гордлевского // *Гасырлар авазы – Эхо веков*. № 1/2, 2014. С. 75–82.

⁶⁴ *Лебедев В.В.* Арабские рукописи Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина. (Краткий обзор) // *Записки Отдела рукописей ГБЛ*. Вып. 38. М., 1977. С. 95–103; *Зайцев И.В.* Несколько тюркских исторических рукописей из собрания Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (Москва) // *ICANAS XXXVII*. Труды. Т. I. М., 2007. С. 63–67.

⁶⁵ *Настич В.Н., Настич И.М.* Собрание арабских рукописей Государственного музея Востока (Москва). Часть 1 // *Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины*. Вып. 5. М., 1997; *Бобровников В.О., Зайцев И.В.* Потомки Пророка и воители за веру из Дагестана в политической истории Восточного Кавказа XVIII – первой трети XIX в. // *Мавраевъ. Культурно-исторический журнал*. 1 (2), 2014. Махачкала; *Бобровников В.О., Зайцев И.В.* Потомки Пророка и воители за веру в политической истории Дагестана XVIII – первой трети XIX века // *Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: Преемственность и разрывы в социокультурных практиках. Сборник статей к 100-летию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова*. СПб., 2010. С. 76–90; *Бобровников В.О., Зайцев И.В.* «Родословная Сурхай-хана Гази-Кумухского» о власти *саййидов* и хронологии Дагестана конца XVIII – первой трети XIX в. // *Дагестан и мусульманский Восток. Сборник статей. Посвящается проф. А.Р. Шихсаидову*. Составители и отв. редакторы А.К. Аликберов, В.О. Бобровников. М., 2010. С. 202–217.

⁶⁶ Краткий каталог арабских рукописей и документов Российского государственного архива древних актов. Сост. Д.А. Морозов. М., 1996 (краткая английская версия: *Morozov D.* Forgotten Oriental Documents // *Manuscripta Orientalia*. Vol. 7, № 2. 2001); *Зайцев И.В.* Несколько османских исторических рукописей Российского государственного архива древних актов в Москве // *Turcica et Ottomanica*. Сборник статей в честь 70-летия М.С. Мейера. М., 2006. С. 221–225; *Andreev A.* 'Ashur Bek's Letters and Prince A.B. Cherkassky's Mission // *Manuscripta Orientalia*. Vol. 22, No. 2. 2016.

⁶⁷ *Зайцев И.В.* «Насаб-наме-йи султан Садык» – история Кенесары Касымова и Садыка Кенесарина // *Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции* (Москва, 18 апреля 2016 г.). М., 2016. С. 312–315; *Зайцев И.В.* «Насаб-наме-йи султан Садык» – история Кенесары Касымова и Садыка Кенесарина // *Международная научно-практическая конференция «От тюркского эля к Казахскому ханству»*. Сборник докладов. М., 2016. С. 89–92.

⁶⁸ *Зайцев И.В.* Кокандец в Стамбуле. (Из Коканда «прелестного» в «вилайет Исламбол»: Две московские рукописи и кокандская миссия в Стамбул 1838–

К числу не известных специалистам собраний относится коллекция рукописей ИВ РАН, каталог которой составлен автором этих строк и Т.А. Аникеевой. Общий объем собрания достигает чуть менее 100 списков и является, таким образом, довольно значительным. Хронологически материал распределяется от XV в. до начала XX в. Жанры представленных текстов также очень широки: от сочинений по фикху, сборников фетв (в том числе Абу Сууда), исламской догматике, комментариев к Корану, филологических трудов до персидской и тюркской поэзии, суфийских трактатов тариката Накшбандийя, агиографических сочинений и полемической литературы («Опровержение христиан и иудеев» Фирати). Имеются в коллекции широко известные сочинения по арабской грамматике и морфологии, а также словари (персидско-турецкие). Коран представлен несколькими списками (как полный текст, в том числе и с персидским подстрочным переводом, так и ряд джузов). Богата коллекция списками персидских и тюркских диванов (Касим Анвар, Мухташам, Навои, Камран, Амир, Хафиз и др.), а также поэтическими сборниками на фарси и тюрки. Эта часть нынешней коллекции рукописей ИВ РАН в Москве происходит из

1840 гг.) // Тюркологический сборник 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М., 2006. С. 189–194; *Зайцев И.В.* К истории рукописной коллекции Лазаревского института восточных языков в Москве (тюркские манускрипты Библиотеки Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД РФ) // *The Middle East and the Caucasus*. Ближний Восток и Кавказ. Тезисы докладов. Yerevan, 2008. С. 63–68; *Аникеева Т.А., Зайцев И.В.* Автографы и экслибрисы на книгах из Научной библиотеки МГИМО (У) МИД // Восточный архив. 2016. С. 64–73.

⁶⁹ *Зайцев И.* О книжном собрании Ф. Эрмана, находящемся в отделе редких книг Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы // Гасырлар Авазы / Эхо веков. Казань, № 1/2. 2003. С. 227–231; *Зайцев И.В.* Автограф Л.И. Жиркова на книге из фонда ЦВК ВГБИЛ // Восточный Архив, 2007, № 16. С. 105.

⁷⁰ *Зайцев И.В.* Две арабские рукописи из Тырново в московских собраниях // Общуване с Изтока. Юбилеен сборник, посветен на 60-годишнината на Стоянка Кендерова. София, Народна библиотека «Св. Св. Кирил и Методий», 2007. Titre en français: Echanges avec l'Orient. Mélanges offerts à Stoyanka Kenderova à l'occasion de son 60ème anniversaire. Sofia, Bibliothèque Nationale «Sts. Cyrille et Méthode», 2007. С. 420–423; *Зайцев И.В.* Собрание османских рукописей в Москве // Наука в России. Июль-август. № 4. 2009. С. 63–67; Рукописи и литографированные издания произведений Алишера Навои в московских собраниях. Каталог. Составитель и автор описания рукописей и литографий – доктор исторических наук И.В. Зайцев. М.: Центр книги Рудомино, 2016.

библиотеки Института мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ РАН)⁷¹.

Среди поэтических рукописей ИВ РАН есть и довольно редкие памятники персидской литературы (например, диван бухарского поэта XVIII в. Шайдо), издание критических текстов которых будет невозможно без введения в научный оборот данных списков. Особый интерес представляют арабские и турецкие манускрипты ИВ РАН, которые имеют печати вакуфной библиотеки широко известного османского накшбандийского шейха Ахмеда Зияутдина Гюмюшханеви (1813–1893). Среди них есть неизвестные тексты, принадлежащие его перу, а также автографы. Есть в собрании ИВ РАН и редкие списки естественно научных текстов (рукопись труда Ибн Байтара по медицине).

Санкт-Петербург

Обзорное описание персидских собраний города⁷².

Институт восточных рукописей РАН

Формирование фонда

Акимушкин О.Ф. Новые поступления рукописей в СПбФ ИВ РАН // Петербургское востоковедение. Вып. 8. СПб., 1996.

Акимушкин О.Ф. К истории формирования фонда мусульманских рукописей Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН // Письменные памятники Востока. № 1 (6). 2007.

Каталоги и обзоры

В 1998 г. в Нью-Йорке издательством *Norman Ross Publishing Inc.* был перепечатан двухтомник описания персидских и таджикских рукописей Института востоковедения Академии наук 1964 г. с предисловием Ю.А. Петросяна и Е.А. Резвана.

⁷¹ *Зайцев И.В.* К истории собрания арабских, персидских и турецких рукописей Института мировой литературы // *Ars Islamica*. Мусульманская эпиграфика, архитектура, рукописи. 2016. С. 739–751; *Зайцев И.В.* К истории собрания арабских, персидских и турецких рукописей Института мировой литературы // *Studia Litterarum*. Vol. 1, No. 1–2. С. 396–408.

⁷² *Абдуллаева Ф.И.* Персидские рукописные коллекции Санкт-Петербурга // *Востоковедение*. СПб., 2004. Вып. 24. С. 113–127.

Акимушкин О.Ф. Коллекция персидских рукописей в собрании Института восточных рукописей РАН // Письменные памятники Востока. № 2 (11). 2009. С. 160–178.

De Bagdad a Ispahan. Manuscrits islamiques de l'Institut d'Etudes orientales, Filiale de St. Petersburg, Academie des Sciences de Russie (in collaboration, Catalogue d'exposition, Musee du Petit Palais). – Electa, Paris, 1994. 74. То же, английская версия: Catalogue of Exhibition of Islamic Paintings and Calligraphy from the Spb. Filial of the Inst. of Or. St. – Russian Academy of Sciences, organized by the Filial and ARCH Foundation (Paris, Lugano, New York), 1995. 75. То же: немецкая и итальянская версии, 1995.

Акимушкин О.Ф. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. Вып. 10. Поэтические сборники, альбомы. М.: Наука. Изд. фирма «Восточная литература», 1993.

Иоаннесян Ю.А. Ценные находки рукописей священных текстов бабизма и религии бахаи в собраниях Санкт-Петербурга // Письменные памятники Востока. № 1 (24). 2016. С. 97–106.

Иоаннесян Ю.А. Две Скрижали Бахауллы 1863 г.: Ценная находка в собрании рукописей СПбФ ИВ РАН // Письменные памятники Востока. № 2 (5). 2006.

Дмитриева Л.В. Каталог тюркских рукописей Института востоковедения Российской академии наук. М.: Изд. фирма «Восточная литература», 2002⁷³.

Добронравин Н.А. Сахарские и суданские исламские рукописи в собрании Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) // Kazan Islamic Review. № 1. 2015. С. 79–90.

Халидов А.Б. Рукописи из библиотеки Мухаммада Парса // Петербургское востоковедение. Вып. 6. СПб., 1995. С. 506–519.

Отдельные рукописи и коллекции

Добронравин Н.А. Фула-хауса-арабская медицинская рукопись «Фа' ида хакика шурб ас-сана'» (из собрания СПбФ ИВ РАН) // Письменные памятники Востока. № 1 (2). 2005.

Норик Б.В. О новом списке дивана Фүзули Багдади в собрании ИВР РАН // Письменные памятники Востока. № 2 (11). 2009. С. 189–191.

⁷³ Рецензию Васильевой О.В. см.: Письменные памятники Востока. № 1 (2). 2005.

Норик Б.В. Вахши Бафки и рукописи его сочинений из коллекции ИВР РАН // Письменные памятники Востока. № 2 (13). 2010. С. 182–198.

Полосин Вал.В. Фрагмент куфического Корана из Азиатского музея и исторические предания о вазире-каллиграфе Ибн Мукле // Письменные памятники Востока. № 1 (8). 2008.

Теплюк П.С. Петербургская рукопись макама ал-‘Аббаса и ее «аналог» в Австрийской национальной библиотеке // Письменные памятники Востока. № 1 (16). 2012. С. 251–258.

Туркин С.Р. Некоторые персидские астрономические и астрологические рукописи из собрания СПбФ ИВ РАН // Петербургское востоковедение. Вып. 9. СПб., 1997. С. 414–434.

Халлиева Г.И. О единственной рукописи хорезмского поэта XIX в. Агахи, хранящейся в Рукописном отделе Института восточных рукописей РАН // Письменные памятники Востока. № 2 (13). 2010. С. 199–206.

Ястребова О.М. Прозаическая персидская версия «Книги о праведном Виразе» в списке Института восточных рукописей // Письменные памятники Востока. № 2 (11). 2009. С. 138–152.

Akimushkin O. Muraqqa‘. Album of the Indian and Persian Miniatures of the 16–18th Centuries and the Models of the Persian Calligraphy of the Same Period // Manuscripta Orientalia. Vol. 1. № 3. 1995.

Akimushkin O. A Manuscript of Yūsuf wa Zulaykhā by Jāmī in the Collection of the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies // Manuscripta Orientalia. Vol. 2. № 4. 1996.

Akimushkin O. An Entire Library in a Single Binding // Manuscripta Orientalia. Vol. 4. № 3. 1998.

Akimushkin O. A Copy of the «Early Diwan» by Jami in the Collection of the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies // Manuscripta Orientalia. Vol. 5. № 4. 1999.

Akimushkin O. A Rare Seventeenth-Century Hagiography of the Naqshbandiyya-Mujaddidiyya Shaykhs // Manuscripta Orientalia. Vol. 7. № 1. 2001.

Alikberov A., Rezvan E. ‘Adja’ib al-Makhlūqat by Zakariya’ al-Qazwini (d. 682/1283): 16th-century Illuminated Manuscript from the St Petersburg Academic Collection // Manuscripta Orientalia. Vol. 1. № 1. 1995.

Alikberov A., Rezvan E. Ibn Abi Khazzam and his «Kitab al-makhzun»: The Mamluk Military Manual // Manuscripta Orientalia. Vol. 1. № 1. 1995.

Bolshakov O. The St. Petersburg Manuscript of the «Maqamat» by al-Hariri and Its Place in the History of Arab Painting // Manuscripta Orientalia. Vol. 3. № 4. 1997.

Brovenko N. An Arabic Bible in the Collection of the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies: the Problems of Restoration // Manuscripta Orientalia. Vol. 4. № 3. 1998.

Khalidov A. A Unique 14th Century Literary Anthology Manuscript from Baghdad // Manuscripta Orientalia. Vol. 2. № 2. 1996.

Khalidov A. An Arabic Composite Manuscript of Tales from the Collection of the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies // Manuscripta Orientalia. Vol. 5. № 1. 1999.

Khalidov A. A Manuscript of an Anthology by al-Abi // Manuscripta Orientalia. Vol. 7. № 2. 2001.

Mikhaylova A. An Illustrated Arabic Manuscript of a Translation of a Seventeenth-Century Greek Chronograph // Manuscripta Orientalia. Vol. 4. № 1. 1998.

Moor B., Rezvan E. Al-Qazwini's 'Aja'ib al-Makhluqat wa Ghara'ib al-Mawjudat: Manuscript D 370 // Manuscripta Orientalia. Vol. 8. № 4. 2002.

Petrosyan I. On Three Turkish Manuscripts from the St Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies Collection. The Problem of Authorship // Manuscripta Orientalia. Vol. 1. № 1. 1995.

Petrosyan I. An Illustrated Turkish Manuscript of «Iskender-name» by Ahmedi // Manuscripta Orientalia. Vol. 1. № 2. 1995.

Petrosyan I. A Turkish Translation of a Cosmographie Work by Ibn al-Wardi and Its Manuscript in the Collection of the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies // Manuscripta Orientalia. Vol. 4. № 2. 1998.

Petrosyan I. The 'Mawlid-i Nabi by Süleyman Çelebi and Its Two Versions // Manuscripta Orientalia. Vol. 4. № 3. 1998.

Petrosyan I. A Late Copy of the Gharib-nama by 'Ashiq-pasha // Manuscripta Orientalia. Vol. 7. № 2. 2001.

Polosin V. Two Late Eighteenth-Century Ottoman Fiscal Documents from the Manuscript Collection of the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies // Manuscripta Orientalia. Vol. 3. № 4. 1997.

Polosin V. A Seventeenth-Century Manuscript of an Illustrated Psalter // Manuscripta Orientalia. Vol. 4. № 4. 1998.

Prozorov S. A Unique Manuscript of a Biographical Dictionary by a Khorezmian Author // Manuscripta Orientalia. Vol. 5. № 2. 1999.

Rezvan E. Yet Another «‘Uthmanic Qur'an» (on the History of Manuscript E20 from the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies) // *Manuscripta Orientalia*. Vol. 6. № 1. 2000.

Rezvan E. On the Dating of an «‘Uthmanic Qur'an» from St. Petersburg // *Manuscripta Orientalia*. Vol. 6. № 3. 2000.

Rezvan E. Oriental Manuscripts of Karl Fabergé. I: The Qur'an // *Manuscripta Orientalia*. Vol. 7. № 1. 2001.

Rezvan M. Qur'anic Fragments from the A.A. Polovtsov Collection at the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies // *Manuscripta Orientalia*. Vol. 7. № 2. 2001.

Rezvan E. Oriental Manuscripts of Karl Faberge. III: Biographical Works and Portraits (part 1–2) // *Manuscripta Orientalia*. Vol. 7. № 4. 2001 – Vol. 8. № 1. 2002.

Rezvan E. Oriental Manuscripts of Karl Fabergé. IV: Poetry and Miniatures (part 1–2) // *Manuscripta Orientalia*. Vol. 8. № 2–3. 2002.

Rezvan M. Qur'an Manuscript A 1638 from the Collection of the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies and the Practice of Istikhara // *Manuscripta Orientalia*. Vol. 9. № 1. 2003.

Sultanov T. Turkic Versions of the «Tarikh-i Rashidi» in the Manuscript Collection of the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies // *Manuscripta Orientalia*. Vol. 3. № 4. 1997.

Terletsky N. A Little-Known Work About a Bukhara Mazar // *Manuscripta Orientalia*. Vol. 12. № 2. 2006.

Tumanovich N. Persian Folklore Materials in the Manuscript Collection of the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies // *Manuscripta Orientalia*. Vol. 2. № 4. 1996.

Vasiltsov K. Afdal al-Din Kashani and His Treaties «The Book of Everlasting» (Based on the MS B 2496 from the SPIOS Collection) // *Manuscripta Orientalia*. Vol. 10. № 4. 2004.

Yastrebova O. Reconstruction and Description of Mirza Muhammad Muqim's Collection of Manuscripts in the National Library of Russia // *Manuscripta Orientalia*. Vol. 3. № 3. 1997.

Факсимиле издана арабская лицевая Псалтырь из собрания ИВР РАН⁷⁴.

⁷⁴ Арабская Псалтырь. Приложение к факсимильному изданию Рукописи А 187 Арабская петербургская лицевая Псалтырь из собрания Института востоковедения РАН (Санкт-Петербургский филиал). Подготовили Вал.В. Полосин, Н.И. Сериков, С.А. Французов. Под общей редакцией Н.И. Серикова. СПб. – Воронеж: Кварта, 2005.

Научная библиотека СПбГУ

В 2005 г. к 150-летию Восточного факультета вышла небольшая статья об истории рукописного фонда Университета⁷⁵.

Frolova O. Some Notes on the Arabic Manuscripts and Collections in the Library of the Oriental Faculty of the St. Petersburg University // *Manuscripta Orientalia*. 1996. Vol. 1. No. 2.

Арабская часть описана в виде краткого каталога⁷⁶. Исследована коллекция А.О. Мухлинского (1808–1877), который возглавлял Восточный факультет с 1859 по 1866 г.⁷⁷

Каталог (электронная публикация) собрания арабских рукописей профессора Санкт-Петербургского университета ат-Тантави (1810–1861) в Восточном отделе Научной библиотеки СПбГУ: <http://www.orient.spbu.ru/tantawi/catalog.html>

Отдельные рукописи

Abdullaeva F.I. A Turkish prose version of Frīdawsī's *Shah-Nama* in the Manuscript collection of the St. Petersburg State University Library // *Manuscripta Orientalia*. 1997. Vol. 3. No. 2. С. 49–55.

Alexeev A. An Unknown Arabic Manuscript of the Library of Oriental Department: Preliminary Description // *Manuscripta Orientalia*. Vol. 16. No. 2. 2010.

Alexeev A. Manuscript MS.O. 1350 from the Collection of Oriental Department of SPBSU: Preliminary Description // *Manuscripta Orientalia*. Vol. 18. No. 2. 2012.

Alexeev A. A Treatise on Sama' and Ghina from the Collection of the Oriental Department of the St. Petersburg State University Research Library // *Manuscripta Orientalia*. Vol. 21. No. 1. 2015.

⁷⁵ *Абдуллаева Ф.И.* К 150-летию Восточного факультета Санкт-Петербургского университета. Заметки об истории, рукописном фонде и рукописях // *Ирано-Славика*. 2005. № 2 (6). С. 21–26.

⁷⁶ Арабские рукописи восточного отдела библиотеки Санкт-Петербургского университета. Краткий каталог. Сост. Фролова О.Б., Дерягина Т.П. Ред. О.Б. Фролова. СПб., 1996.

⁷⁷ *Дерягина Т.П., Фролова О.Б.* Antoni Muchlinski and His Collection of Arabic Manuscripts in the St. Petersburg University Library // *Manuscripta Orientalia*. 1997. Т. 3, 4; *Дерягина Т.П., Фролова О.Б.* Арабские рукописи коллекции Антония Мухлинского в Библиотеке Санкт-Петербургского университета // *Россия и Арабский мир. Научные и культурные связи*. Вып. 3. СПб., 1998. С. 13–22.

Sadykhova A. A Manuscript of «Tales of Some Lovers of the Past» in the Collection of the Oriental Faculty of the St. Petersburg University // *Manuscripta Orientalia*. Vol. 4. No. 1. 1998.

Фарзалиев А.М. Рукопись «Хамсы» Низами Гянджеви XIII в. с уникальным портретом поэта // *Наследие*. 2013. № 3 (63). С. 14–18.

Фейн Е.И. Рукопись «Рузнама-йи сафар-и Питирбург» испугательного посольства из Персии в 1829 году в собрании рукописного фонда Восточного отдела библиотеки СПбГУ // *Вестник Восточного института*. СПб., 2006. № 1–2 (21–22). С. 139–151.

Фролова О.Б. Суфийский рукописный трактат о Единстве Бытия (по материалам библиотеки Санкт-Петербургского университета) // *Петербургское востоковедение*. Вып. 5. СПб., 1994. С. 111–128.

В 2001 г. А. Исин издал в Алматы казахскую эпическую песню об Адиль-султানে из сборника собрания СПбГУ, снабдив издание факсимиле, исследованием и транскрипцией⁷⁸.

В 2014 г. опубликованы обзорные описания арабской (М.Ю. Илюшина)⁷⁹, персидской (Е.И. Фейн)⁸⁰ и тюркской (Т.И. Султанов)⁸¹ коллекций Библиотеки.

Российская Национальная библиотека

Общие обзоры

Vasilyeva O. Oriental Manuscripts in the National Library of Russia // *Manuscripta Orientalia*. 1996. Vol. 2. No. 2.

⁷⁸ «Аділ султан» эпикалықжыры. Санкт-Петербург университеті ғылыми кітапханасының Шығыс бөлімінде сақтаулы казак қолжазба кітабы. Зертеу, қолжазба факсимилесі, транслитерациясы, транскрипциясы, тусініктемелері, баспаға дайындау А.И. Исін. Алматы, 2001.

⁷⁹ *Илюшина М.Ю.* Арабские рукописи // *Рукописи и ксилографы на восточных языках в Научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ*. Под ред. В.Л. Успенского. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. С. 18–43.

⁸⁰ *Фейн Е.И.* Персидские рукописи // *Рукописи и ксилографы на восточных языках в Научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ*. Под ред. В.Л. Успенского. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. С. 44–60.

⁸¹ *Султанов Т.И.* Тюркские рукописи // *Рукописи и ксилографы на восточных языках в Научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ*. Под ред. В.Л. Успенского. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. С. 61–73.

Васильева О.В. Восточные рукописные фонды Российской национальной библиотеки // Письменные памятники Востока. № 1 (2). 2005.

Обзор крымско-татарских материалов

Васильева О.В. Крымско-татарские рукописные материалы в отделе рукописей // Российская национальная библиотека. Восточный сборник. Вып. 5. СПб., 1993.

Лучше всего представлена иранистика:

Костыгова Г.И. Собрание персидских рукописей, поступившее в Публичную библиотеку в 1829 году // Российская национальная библиотека. Восточный сборник. Вып. 6. СПб., 2003. С. 336–245.

Акимушкин О.Ф. Художник Касим ибн ‘Али и рукопись РНБ «Ахсан ал-кибар» (Dorn 312) // Письменные памятники Востока. № 2 (7). 2007. С. 202–208.

Васильева О.В. Нить жемчуга. Иранское книжное искусство XIV–XVII веков в собрании Российской национальной библиотеки. СПб.: РНБ, 2008.

О.М. Ястребова издала подробное аннотированное описание 335 документов XVI – начала XX в. на персидском и таджикском языках из собрания Отдела рукописей библиотеки⁸², а также подготовила обзор документов горных бекств верховьев Зерафшана из собрания генерала Кауфмана с переводами текстов⁸³.

В РНБ продолжают поступать как единичные арабографические рукописи⁸⁴, так и их собрания⁸⁵. Так, в 1994–2000 гг. восточ-

⁸² *Ястребова О.М.* Персидские и таджикские документы в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Систематический каталог. СПб.: РНБ, 1999.

⁸³ *Ястребова О.М.* Документы XIX века из верховьев реки Зеравшан в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки // Восточный сборник. Вып. 6. СПб.: РНБ, 2003. С. 77–123. В имеющемся у меня экземпляре этого издания значительная часть статьи (с. 113–120) из-за неверной брошюровки утрачена.

⁸⁴ Новые поступления в Отдел рукописей РНБ (1994–2000). Каталог. Часть 2. СПб.: РНБ, 2004. С. 236–251; *Vasilyeva O.* The National Library of Russia: New Acquisitions of Oriental Manuscripts in 1992–1996 // *Manuscripta Orientalia*. Vol. 2. № 4, 1996; *Ястребова О.М.* О старой рукописи *тафсйра* из новых поступлений в Отдел рукописей РНБ // «На пастбище мысли благой». Сборник статей к юбилею И.М. Стеблин-Каменского / Отв. редактор М.С. Пелевин. СПб.: Контраст, 2015.

ные фонды пополнились коллекциями С.Н. Ханукаева, И.М. Стеблина-Каменского и С.А. Расулова⁸⁶.

Osmanova I. The Manuscript of al-Sharf al-Murtada Kitab al-Dhakhira al-‘Alim wa Basira al-Muta‘allim from the Collection of A.S. Firkovich // Manuscripta Orientalia. Vol. 18. No. 1. 2012.

Vasilyeva O., Yastrebova O. The Muraqqa' album of the Zand period (PNS 383) in the National Library of Russia // Ferdowsi, the Mongols and the History of Iran. Art, Literature and Culture from Early Islam to Qajar Persia, Studies in Honour of Charles Melville. Ed. by R. Hillenbrand, A.C.S. Peacock and F. Abdullaeva. L.: Tauris, 2013. С. 359–369.

Исследователи делают и тематические подборки рукописей одного сочинения в санкт-петербургских коллекциях. Например, узбекских переводов автобиографии Тимура⁸⁷, списков сочинения Ж. Ксавье⁸⁸.

Кунсткамера

Rezvan E. Early Qur'anic MS from the Collections of St. Petersburg Kunstkamera (Preliminary Report) // Manuscripta Orientalia. Vol. 10. № 3. 2004.

Эрмитаж

Опубликовано стихотворное описание Мекки и Медины «Футух аль-харамайн» Мухйи ад-Дина Лари (ум. в 933/1526–27 гг.)⁸⁹.

Статья предоставлена автором для публикации в бюллетене «Россия и мусульманский мир».

⁸⁵ *Васильева О.В.* Поступления в Сектор восточных фондов // Новые поступления в Отдел рукописей РНБ (1994–2000). Каталог. Часть 2. СПб.: РНБ, 2004. С. 165–168.

⁸⁶ Описания см.: Новые поступления в Отдел рукописей РНБ (1994–2000). Каталог. Часть 2. СПб.: РНБ, 2004. С. 169–225.

⁸⁷ *Бабабеков Х.Н.* Узбекские переводы автобиографического сочинения эмира Тимура в петербургских собраниях // Восточный сборник. Вып. 6. СПб.: РНБ, 2003. С. 124–130.

⁸⁸ *Притула А.Д.* Рукописи «Айне-йи хакк-нама» Жерома Ксавье в собраниях Санкт-Петербурга // Восточный сборник. Вып. 6. СПб.: РНБ, 2003. С. 131–141.

⁸⁹ *Адамова А.Т.* «Футух аль-харамайн» Мухйи ад-Дина Лари и эрмитажная рукопись 970 г.х. / 1562–1563 гг. // Обретение двух святынь. Футух аль-харамайн: Публикация рукописи XVI в. из собрания Государственного Эрмитажа / Под ред. М.Б. Пиотровского. СПб., 2011.

М. Лихачёв,
кандидат юридических наук,
научный сотрудник Уральского РИАЦ РИСИ
(г. Екатеринбург)
**СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ
СУВЕРЕННОГО КАЗАХСТАНА***

Ключевые слова: политическая мысль Казахстана, история Казахстана, государственность казахов, Конституция Казахстана, российско-казахстанские отношения, русские в Казахстане.

Без преувеличения знаковым событием научной жизни Казахстана в 2015 г. стало появление книги известного в республике политолога Андрея Чеботарёва «Политическая мысль суверенного Казахстана». Внимание к изданию объясняется и тем, что заказчиком работы выступил Институт мировой экономики и политики при фонде Первого Президента Республики Казахстан. Директор этой аналитической структуры Султан Акимбеков подготовил предисловие к работе, названной им «кирпичиком, который лег в фундамент или несущую стену нашего [казахстанского] интеллектуального пространства»¹.

Книга Чеботарёва являет собой комплексное историко-аналитическое исследование ключевых этапов развития политической мысли Казахстана в период конца 1980-х – 2014 гг. в разрезе ключевых вех становления казахстанской государственности и формирования управленческой системы во главе с действующим Президентом Нурсултаном Назарбаевым. В работе анализируются идеологические платформы значимых общественных сил Казахстана, проявивших себя на различных этапах истории республики. При этом особое внимание уделяется официальной позиции, продвигаемой в рамках государственной пропаганды, а также политической риторике отдельных движений и персоналий. Потому работа описывает не только идейные направления, но и содержит анализ

* Рецензия на книгу: Чеботарёв А.Е. Политическая мысль суверенного Казахстана: Динамика, идеи, оценки. – Астана – Алматы: ИМЭП при фонде Первого Президента, 2015. – 512 с.

¹ Чеботарёв А.Е. Политическая мысль суверенного Казахстана: Динамика, идеи, оценки. – Астана – Алматы: ИМЭП при фонде Первого Президента, 2015. – С. 18.

ключевых политических сил и общественных организаций, а также событий государственного строительства в Казахстане.

История современной политической мысли страны условно разделена на несколько этапов: период советской перестройки М.С. Горбачёва, заложившей предпосылки для становления «суверенной» мысли республики; политические течения на заре независимости (1992–1994); период поиска опор развития казахстанской государственности, позже найденных в развороте к этатизму (1995–2000); политические «баталии» и идейный кризис начала XXI в. (2001–2007) и последующие за кризисными процессами политическая и относительная экономическая стабилизации (2008–2014). В основу периодизации положены ключевые политические и конституционные события, связанные с реформированием общественной и управленческой системы страны.

Первый этап «идеологического» становления суверенного Казахстана приходится на период горбачёвской перестройки и объявленной гласности. Дух свободы и некоторой вседозволенности не обошел стороной номенклатуру и общество Казахской ССР. Интересна авторская оценка событий 17–18 декабря 1986 г. в Алма-Ате, связанных с выступлением студенческой молодежи против смещения этнического казаха Динмухамеда Кунаева с поста руководителя республики и назначения на должность первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Геннадия Колбина: «Произошел всплеск массового политического участия представителей молодежи против традиционного¹ диктата центра»². Тогда же появились первые общественные объединения, альтернативные советской идеологии – Алма-Атинский народный фронт, Ассоциация независимых общественных организаций, «Невада-Семипалатинск», «Азат» (1988–1989), идеологии которых автор уделяет внимание.

Хотя автор прямо об этом не пишет, всё же изложенные им события определенно подтверждают, что Казахстан того времени во главе с Н. Назарбаевым в числе своих приоритетов ставил задачу обретения независимости³. Таким образом, опровергается весьма

¹ Данная оценка далеко не бесспорна. Сохранилось интервью самого М.С. Горбачёва, в котором он объясняет назначение Колбина тем, что ему надоели постоянные жалобы казахских функционеров друг на друга. – *Прим. ред.*

² Чеботарёв А.Е. Политическая мысль суверенного Казахстана... – С. 29.

³ Существуют многочисленные факты, подтверждающие эти намерения руководства Казахстана. Достаточно упомянуть, что еще 25 октября 1990 г. была

распространенное в экспертном сообществе мнение, что казахстанский лидер до последнего момента рассчитывал на сохранение союзного государства. Так, А. Чеботарёв отмечает: «После провала данного путча [ГКЧП] в Казахстане усилилось стремление к независимости, которое отражало не только рост национального самосознания казахского народа, но и необходимость защитить начатые в республике демократические преобразования от попыток диктата со стороны союзного центра»¹. Общественные настроения того времени характеризуются как ориентированные «в пользу национально-культурного возрождения и центробежных тенденций»².

Ключевыми идеями официальной стратегии государственного строительства, отмечает автор, тогда были «синтез национального суверенитета казахов» и всех граждан Казахстана, обеспечение «межнационального согласия и политической стабильности»³, «национальная государственность в ее единстве с построением гражданского общества»⁴.

В книге прослеживается, как характерный для того периода идеологический плюрализм выразился в разнообразии альтернативных государственному подходу идей развития казахстанской государственности – в их либеральной, социал-демократической и национал-патриотической трактовках. В 1992–1995 гг. активными участниками политического дискурса были славянофильские объединения, одно из которых (движение «Лад») даже было представлено в Верховном Совете. Однако, как отмечает автор, «отход от данных объединений ключевых персон, аморфность позиции по ряду важных вопросов развития республики, непоследователь-

принята Декларация о государственном суверенитете Казахской ССР. Примечательно, что в тексте Декларации был упомянут не СССР, а Союз Суверенных Республик – то есть государство, которого реально не существовало, а имелись только некие планы в отношении его создания. В этом смысле данный факт, равно, как и другие положения декларации свидетельствуют о том, что Казахстан отнюдь не стоял в стороне от процессов, приведших к распаду СССР, о чем не устают постоянно упоминать власти современного Казахстана. – *Прим. ред.*

¹ Чеботарёв А.Е. Политическая мысль суверенного Казахстана... – С. 33, 58.

² Там же. – С. 44.

³ Там же. – С. 67–68.

⁴ Там же. – С. 72.

ность в действиях привели к снижению активности¹ или вообще прекращению деятельности [таких объединений]»².

Третий этап развития политической мысли суверенного Казахстана представлен в монографии как время исправления руководством страны ошибок прошлого³. На 1995–2000 гг. приходятся реформы государственной системы, приведшие к существенному укреплению власти Н. Назарбаева и усилению контроля над общественно-политическими процессами в стране: создание партии власти («Отан»), конституционная реформа, продление президентских полномочий до 2000 г.

Именно в это время, подчеркивает автор, усилилась стратегическая ориентация на первоочередное обеспечение стабильности, в том числе в рамках назарбаевской установки: «Сначала – экономика, потом – политика»⁴. Представленная президентом страны Стратегия «Казахстан-2030» на все последующие годы определила масштабный программный характер планирования государственного развития. Укрепление личной власти президента в свою очередь обострило оппозиционные настроения. Именно в этот период появился альтернативный проект Конституции страны (1995), проявил себя Акежан Кажегельдин (экс-премьер, перешедший в оппонирование лично Н. Назарбаеву в 1998 г.), либеральная оппозиция предприняла попытку консолидации в рамках Форума демократических сил Казахстана (2000–2001).

Автор подтверждает, что консолидация политической системы в интересах обеспечения ее стабильности и усиления личной власти Н. Назарбаева продолжилась и в 2001–2007 гг. На это время приходится «сокращение оппозиционного партийно-политического спектра при расширении провластного»⁵. Тогда же имело место и «беспрецедентное событие», связанное с уходом экс-председателя Мажилиса Парламента РК⁶ Жармахана Туякбая в оппозицию (2004)

¹ На самом деле власти суверенного Казахстана намеренно проводили линию на дискредитацию подобных объединений и их лидеров, стремясь максимально уменьшить их влияние на ход общественно-политических процессов в республике. – *Прим. авт.*

² Чеботарёв А.Е. Политическая мысль суверенного Казахстана... – С. 126.

³ Вряд ли политика предшествующего периода может быть оценена как ошибочная. В действительности она также отражала курс руководства Казахстана на укрепление этноориентированной авторитарной власти. – *Прим. авт.*

⁴ Чеботарёв А.Е. Политическая мысль суверенного Казахстана... – С. 146.

⁵ Там же. – С. 239.

⁶ Нижняя палата Парламента Республики Казахстан.

и оспаривание им результатов, проведенной накануне парламентской избирательной кампании¹. Существенно повлияли на снижение активности оппозиционных сил упомянутые автором убийство Алтынбека Сарсенбайулы (лидера партии «Настоящий Ак Жол»)³ и загадочная смерть политического деятеля Заманбека Нуркадилова².

В этот период, как показано в монографии, официальная пропаганда выдвигает концепцию «управляемой демократии»³ – казахстанское видение общественного устройства, по словам главы государства, «необходимого для обеспечения формирования в Казахстане среднего класса, свободной и эффективно развивающейся экономики и обретения устойчивости государства»⁴. С растущим «идеологическим предложением» провластных партий («Асар», «Руханият», Партия патриотов) в конкуренцию вступили оппозиционные партии («Ак Жол», «Демократический выбор Казахстана»), инициативы которых однако существенно уступали по степени проработанности и последовательности официальным программам. Общественный резонанс вызвал проект занимавшего на тот момент пропрезидентские позиции Рахата Алиева об установлении конституционной монархии в стране (2006). Тогда же о политических амбициях заявляют национал-патриотические силы, представившие этноцентристскую (казахскую) и антироссийскую идеологии в противовес президентскому тезису 2005 г. о том, что «в очерченных сегодня границах [у казахов] не было государственности никогда»⁵.

Завершающий этап исследования А. Чеботарёва приходится на 2008–2014 гг. Несмотря на консолидацию политической системы и относительную зачистку общественно-партийного пространства, экономический кризис 2008 г. «привел к росту социальной напряженности с проецированием в политическую плоскость в виде социального недовольства и акций протеста», причем весьма быстро «данная протестность преодолела свой стихийный характер и приобрела организационные формы»⁶. Пик такой активности пришелся на декабрь 2011 г. – массовые акции протеста нефтяников

¹ См.: Чеботарёв А.Е. Политическая мысль суверенного Казахстана... – С. 240–241.

² Там же. – С. 244.

³ Как правило, казахстанские власти просто заимствовали термины из общественно-политического лексикона России. – *Прим. авт.*

⁴ Чеботарёв А.Е. Политическая мысль суверенного Казахстана... – С. 262.

⁵ Там же. – С. 345.

⁶ Там же. – С. 365.

в г. Жанаозене, закончившиеся подавлением беспорядков правоохранительными органами и гибелью 15 человек. На этом фоне выдвигаются «общественные» инициативы о наделении Н. Назарбаева президентскими полномочиями пожизненно или же их продлении до 2020 г. (не реализованы), а также о закреплении за нынешним главой Казахстана конституционного статуса Лидера Нации и о досрочных президентских выборах 2011 г. (реализованы).

Чеботарёв обращает внимание на то, что в 2013 г. совершенно на новые рельсы поставлена идеологическая работа, курируемая тогдашним госсекретарем РК Маратом Тажиным (информационная и историческая политика). Важнейшей темой медийного пространства и общественно-политического дискурса становятся взаимоотношения Казахстана и России на фоне набирающей обороты евразийской интеграции. События на Украине конца 2014 г. значительно усилили актуальность тематики, к сожалению, преимущественно в антироссийском ключе.

Представленный в монографии сквозной анализ развития политической идеологии страны в разрезе конституционных преобразований и инициатив власти демонстрирует усиливающийся со временем личностный фактор в управленческой системе Казахстана, связанный с персоной первого и пока единственного Президента республики Н. Назарбаева. Воздерживаясь от прямой оценки авторитарных начал президентской власти, автор убедительно демонстрирует «демократический крен» в пользу экономического развития страны (свободный рынок, модернизация, предпринимательство) в ущерб политической составляющей.

За назарбаевской установкой «сначала – экономика, потом – политика», а также регулярно декларируемой задачей обеспечения социальной стабильности автор видит нежелание сегодняшней власти в Казахстане допустить либерализацию политической системы.

Автор не обходит стороной и русский вопрос, к которому он обращается при исследовании всех этапов политической истории суверенного Казахстана. Показательно замечание автора, что в конце 1980-х – начале 1990-х годов «русскоязычное население республики еще не испытывало того социально-психологического дискомфорта, который проявится среди его представителей в первые годы независимости Казахстана»¹. Справедливо и его

¹ Чеботарёв А.Е. Политическая мысль суверенного Казахстана... – С. 57.

утверждение, что в последнее время русский вопрос перешел в сторону дискуссии о характере российско-казахстанских отношений и перспективах евразийской интеграции.

Книга дает представление о том, что ослабление активности русофильских и славянских объединений страны происходило на фоне массированного оттока этнических русских (в том числе идейных лидеров движения) из республики, а также укрепления положения Ассамблеи народа Казахстана (учрежденной в 1995 г.). Последняя как раз и преследовала цель заместить собой неподконтрольные Акорде¹ этнические объединения.

Однако, говоря об официальной концепции казахстанского народа и национального единства, которая сегодня строится на тезисе внешнего ослабления остроты русского вопроса, автор уходит от реальной оценки сущности русского вопроса и его места в политической жизни суверенного Казахстана. Очевидно, что автора ограничивают заказной характер исследования, его тесная связь с государственными идеологами Казахстана. Однако несомненная заслуга казахстанского политолога состоит в том, что в этих условиях он не обошел стороной наиболее острые и чувствительные моменты идеологической истории современного Казахстана. Работа представляет собой систематизацию важнейших событий истории страны после объявления независимости, подкрепленные авторским анализом ключевых направлений развития казахстанской политической мысли. Следуя за А. Чеботарёвым, опираясь на представленные в монографии факты, вдумчивый читатель сможет сделать многие выводы сам.

*«Проблемы национальной стратегии»,
М., 2017 г., № 2, с. 192–196.*

¹ Резиденция Президента Республики Казахстан. Расположена на левом берегу реки Ишим в столице Казахстана Астане.

3. Халилова,

научный сотрудник

(Институт истории Академии наук

Республики Узбекистан, г. Ташкент)

СЛУШАТЕЛИ МЕДРЕСЕ

СОВЕТСКОГО УЗБЕКИСТАНА (1945–1991 гг.):

СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

И ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ

Особое внимание к изучению истории исламского религиозного воспитания и образования сохраняется на протяжении многих последних лет [1]. Представляет интерес опыт взаимодействия советских контролирующих органов и исламских религиозных институтов. Как государственными органами регламентировались учебный процесс и внутренний распорядок в исламских учебных заведениях, а главное, как это отражалось на «духе» образовательных учреждений и жизни самих учащихся? Деятельность медресе в советском Узбекистане (Мири Араб и Баракхан [2]) находилась под контролем Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана.

В отечественной и зарубежной науке изучены общие вопросы деятельности Духовного управления мусульман как организации, однако до сих пор малоисследованными остаются такие аспекты этой проблемы, как деятельность медресе, вопросы поступления в учебное заведение, организация учебного процесса (учебные программы, пособия), финансовое обеспечение, повседневная жизнь студентов (распорядок дня, организация досуга, питание, материальные вопросы, отношения между студентами) и др. В данной статье на основе архивных материалов мы постараемся проанализировать вышеперечисленные вопросы, а также рассмотреть сам процесс подготовки мусульманских кадров в Узбекистане в советский период. Интересующая нас информация достаточно полно представлена в сохранившихся инструкциях, отчетах, постановлениях, переписке с государственными органами, приказах о внутреннем распорядке медресе и других вопросах, которые решались Духовным управлением мусульман Средней Азии и Казахстана.

Установление советской власти в 1917 г. предполагало создание атеистического общества, основанного на учении марксизма-ленинизма, и отделение церкви от государства. В Туркестане преследованию подверглись представители духовенства, были

ликвидированы старые школы и медресе, велась пропаганда атеизма и идеологическая борьба с противниками нововведений. Исследователь Уильям Беркен называет идеологическую политику советского государства – «идеологической монокультурой», служившей в интересах государства и расширяющей его влияние на жизнь общества и каждого индивидуума [3].

В результате в Узбекистане в 20-х годах прошлого века пошел процесс передачи мечетей, медресе, различных культовых и исторических зданий под помещения жилого, культурного и хозяйственного назначения – жилплощади, амбары, дома культпросвета и т.д. Все эти мероприятия привели к возникновению культуры нового типа, соединившей в себе советские и исламские черты.

Но с началом Великой Отечественной войны необходимость укрепления социально-политической базы заставила советское руководство пересмотреть свою религиозную политику и разрешить всем верующим в СССР, в том числе и мусульманам, восстановить систему публичного функционирования духовной обрядности. Стали открываться ранее закрытые мечети. Мусульманские духовные лица, заняв патриотическую позицию, организовывали сбор средств в помощь действующей армии (покупка вооружения, медицинского оборудования, медикаментов и др.). Мусульмане принимали коллективные заявления с осуждением преступных действий немецко-фашистских захватчиков. В 1942–1943 гг. начали осуществлять свою деятельность ЦДУМ, Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС), Духовное управление мусульман Северного Кавказа (ДУМСК), Духовное управление мусульман Закавказья (ДУМЗАК) и с 20 октября 1943 г. было дано разрешение на деятельность Среднеазиатского Духовного управления мусульман (позже с 1943 г. Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана) [4].

Согласно приказу № Р4808-р от 10 октября 1945 г., СНК СССР вынес решение о разрешении Духовному управлению мусульман открыть два медресе в Бухаре и Ташкенте [5, с. 8–9]. Позднее, согласно приказу СНК УзССР от 29 ноября того же года, для этих медресе были определены здания в Октябрьском районе города Ташкента (медресе Баракхан) и в городе Бухаре (бывшее медресе Мири Араб) со сроком обучения в них девять лет и общим контингентом студентов в 90 человек. Однако впоследствии, согласно приказу СНК СССР № 12800-р от 15 августа 1949 г. и

приказу СНК СССР от 1945 г., открытие религиозного учреждения в Ташкенте было отменено [6, с. 235–238].

Как отмечалось, первоначально обучение в медресе Мири Араб было рассчитано на девять лет, из них пять лет отводилось на начальное образование и четыре года на среднее. Продолжительность учебного года составляла девять месяцев – с сентября по май. Религиозное управление также определяло учебный план и программу. Финансовое обеспечение медресе, общежитие для студентов, питание и другие расходы выделялись управлением по делам религий из фонда, пополняемого за счет частных добровольных пожертвований верующих мусульман. При организации деятельности медресе использовался зарубежный опыт исходя из требований системы образования исламских государств [7, с. 102–103]. В частности, в установлении порядка и организации программы обучения для поступающих в медресе Мири Араб был использован опыт зарубежных мусульманских учебных заведений.

Для поступления в религиозное заведение было необходимо написать заявление на имя председателя Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана, предоставить копию аттестата о законченном среднем образовании, справку с места жительства, медицинскую справку установленного образца, шесть фотокарточек размером 3х4, письменное обращение с просьбой от мечети, где проживал абитуриент, автобиографию и характеристику из школы или с последнего места работы. Льготы для поступления в религиозное образовательное заведение не предусматривались, принимались все желающие в возрасте от 18 до 28 лет.

Вступительные экзамены проводились по предметам средних школ. Они включали историю СССР, географию СССР (зарубежную, особенно арабских стран), для узбеков – узбекский язык, русский язык, обществоведение, собеседование на предмет общего мировоззрения. Вступительные экзамены проводились в августе и на этот период иногородние обеспечивались общежитием. Претенденты, успешно проходившие конкурс, включались в список учащихся религиозного учебного заведения в Бухаре и были обязаны приехать в Бухару в конце августа. Во время учебы студенты не освобождались от службы в армии.

Учебный год в Бухарском медресе начинался с 1 сентября. Студенты сдавали экзамены каждые полгода. После зимней сессии давались недельные каникулы, после летней – более двух месяцев. При учебном заведении имелось общежитие, и каждый студент обеспечивался жильем. Во время учебы студенты низших курсов

получали стипендию в 40 руб., а высших – 60 руб. в месяц. Занятия начинались в 8 утра как в общеобразовательных школах и заканчивались после полудня. Каждый студент во второй половине дня обеспечивался горячим питанием. После окончания учебного заведения студенты отправлялись по месту своего жительства [8, с. 25–26]. В 1970-е годы медресе Мири Араб превратилось в учебное заведение для студентов из различных республик бывшего Союза. В требованиях для поступающих указывалось, что обучение осуществляется на узбекском языке, для тех, кто не понимал узбекского, давалось объяснение на русском языке (в составе студентов числились не только узбеки, но и казахи, татары, азербайджанцы, киргизы, таджики, дунгане, чеченцы и др.).

В медресе, созданном при Духовном управлении мусульман Средней Азии и Казахстана, для студентов были созданы все необходимые условия для проживания и получения знаний. Все расходы, связанные с финансированием медресе, осуществлялись за счет фонда, который формировался из добровольных пожертвований мусульман. На должность директора медресе Мири Араб был назначен казий Баширхан Тура Исхаков. Первыми преподавателями медресе были Исмаил Саттиев из Намангана, Акбархан Ходжи из Ташкента, Абдурахим Рафиков из Бухары. Первоначально в медресе приняли 30 студентов.

1 ноября 1956 г. начало свою деятельность восстановленное медресе Баракхан, куда в первый учебный год в 1 и 2 классы приняли 35 студентов. В качестве учителей были назначены члены Духовного управления – Фазилходжа Садикходжаев и Мухитдин Бабаджанов [9, с. 43–49]. Духовное управление разработало общие требования и программу курсов для слушателей медресе Баракхан и Мири Араб [10]. Учебная программа и финансирование были одинаковыми в обоих учреждениях.

Как показывают архивные источники, религиозная политика советского правительства, осуществляемая через Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана, позволяла направлять деятельность медресе, контролировать преподавание религиозных предметов и в результате в учебных программах были представлены не только религиозные дисциплины, но и светские. Таким образом, был определен тип советского духовного лица, в данном случае мусульманина, как религиозного человека с хорошим образованием, знающего арабский язык и хорошо владеющего русским. Хотя медресе выполняли роль религиозных учреждений, политика, проводимая советским государством в разные

годы, привела к постепенному вытеснению религиозных предметов либо их поверхностному изучению. Таким образом, была осуществлена цель воспитания имама для служения государственным интересам.

Контролировалось также и поведение студентов, соблюдение ими порядка в стенах учебного заведения, отношение к учебе, соблюдение чистоты, охрана имущества, усвоение правил поведения, которые считались обязательными для всех студентов и др.

Если посмотреть на повседневную жизнь студентов медресе, то можно увидеть, что распорядок дня студентов медресе Мири Араб и Баракхан был строго регламентирован и осуществлялся на основании следующего порядка:

1. Студенты каждый день должны были вставать за 1 час до утренней молитвы (фаджр), совершить омовение и собираться в мечети для коллективного богослужения. Бывший студент медресе Мири Араб, ныне глава Духовного управления мусульман Нижегородской области У. Идрисов, в своих воспоминаниях пишет, что, «когда был директором медресе Мири Араб Абдул Каххор домулла, то он приучил всех жить по расписанию, соблюдая правила. До него многие студенты, кто жил в частных домах, не приходили на утреннюю молитву фаджр! А он всех заставил подниматься вовремя и несмотря ни на что, идти в нашу мечеть при медресе и совершать положенный всем мусульманам первый намаз наступающего дня. Чтобы добиться этого, конечно, надо было сломать инертность и сопротивление: он сам в полутьме, еще до рассвета, ходил по кельям, скидывал с лентяев одеяла. Поскольку я тогда с супругой обитал на частной квартире, мне тоже досталось, и я еще сонный, в предутренней тьме, пробирался узкими кривыми улочками Бухары к нашему медресе на фаджр... хорошая получилось школа духа и дисциплины» [11, с. 19–20].

2. Студенты должны были приводить в порядок свои комнаты в общежитии, вовремя убирать постель и соблюдать чистоту.

3. Студенты после утренней молитвы должны были идти в столовую для завтрака. В 9 часов необходимо было быть в классе и на основании расписания ждать учителя. Кроме того, не следовало разговаривать во время занятий, уделять внимания посторонним вещам, никогда не опаздывать на занятия, а также запрещалось уходить с урока, пока он не закончится.

4. Учебные занятия заканчивались в 2 часа дня. После занятий все должны были собраться в мечети для молитвы, а после нее идти в столовую на обед.

5. Во время обеда не следовало много разговаривать и долго сидеть за столом. Питание студентов обеспечивалось за счет Духовного управления. Были осуществлены определенные работы по расширению, оснащению и обеспечению всем необходимым столовой, создание кухни, соответствующей нормам гигиены и санитарии. В частности, бухгалтером Духовного управления было рассчитано недельное меню с целью распределения продуктов для студентов религиозных учебных заведений. Так, норма питания для студентов на 1958 г. (одному студенту на один день) включала: на завтрак – горячий чай, обед состоял из плова или жаркого из макарон, шавли (рисовой каши), а на ужин поочередно готовились суп из вермишели, мастава (рисовый суп), борщ и другие блюда. Сумма, которая тратилась на однодневное питание студентов и мударрисов в количестве 40 человек, составляла 372 руб., а на 136 дней – 50 592 руб. [12, с. 118]. В столовой для студентов работали квалифицированные повара, посудомойки, а также имелись служащие, ответственные за воду, дрова, уголь и кипячение воды в самоваре. В столовой было самообслуживание.

6. После обеда учащиеся должны были отдыхать в выделенных им местах.

7. Слушатели должны были готовиться к предвечерней молитве, проводить ее в мечети с верующими, а затем до следующей молитвы должны были проводить время за чтением газет, прослушиванием радио. После вечерней молитвы наступал ужин.

8. Каждый слушатель медресе после ужина должен был готовить уроки или повторять их. Студенты после участия в ночной молитве могли распоряжаться последующем временем по своему усмотрению, но все должны были ложиться спать в 11 часов ночи.

9. Каждую субботу студенты со своим классным руководителем посещали баню, меняли раз в десять дней простыни, белье.

10. Посещать город или родственников разрешалось только по воскресеньям и праздникам.

11. К нарушителям упомянутых правил, администрация принимала меры наказания вплоть до изгнания с учебы [13, с. 93–94].

Как было сказано выше, обеспечение студентов медресе осуществлялось за счет Духовного управления, хотя в первые годы существования оно не обеспечивало студентов средствами для учебы и быта в достаточной мере. Условия для обучения в медресе были точно такими же, как и раньше, т.е. они жили и обучались в старых кельях. Студенты и преподаватели во время уроков сидели

на полу и на земле, каждый студент привозил с собой все принадлежности для общежития. Конечно, условия жизни в послевоенные годы были суровыми, и обеспечение студентов продуктами тоже было сложным. Кроме этого, не было основательно проработанной программы обучения, не было учебников и учебных пособий. Несмотря на нехватки и трудности в медресе, в последующие годы для улучшения социального положения и бытовых условий, повышения качества образования были проделаны значительные работы, а количество студентов из года в год неуклонно росло.

Встречались и некоторые трудности в быту студентов. В частности, из-за того, что медресе Мири Араб являлся одним из исторических памятников, ему постоянно требовался ремонт — в стенах здания образовывались трещины (дождь, снег, землетрясение), влажность в кельях была высокой и влияла на здоровье студентов. Не всегда ремонтные работы устраняли все недостатки, так как медресе Мири Араб находился под юрисдикцией Управления по архитектуре УзССР и все работы осуществлялись данной организацией. «...Поскольку здание медресе было построено 445 лет назад, оно насквозь прогнило и категорически не отвечает требованиям проживания в нем людей и культурных требований нашего века и санитарно-гигиеническим нормам. Вред для организма человека темноты, сырости, крайне неприятного запаха, выделяемого стенами, ощущаются очень ясно. Вследствие чего наблюдаются частые случаи заболевания среди учащихся. Хотя сохранение здания медресе в качестве объекта исторического наследия имело значение с точки зрения культуры того периода, в данное время оно не отвечает требованиям для проживания в нем студентов» [13, с. 98–99].

Зарубежный исследователь Эрен Тасар изучал систему исламского религиозного образования в советский период [14, с. 275–276]. Ссылаясь на отчеты завуча медресе Мири Араб, которые отправлялись 2 раза в год Уполномоченному совету по делам религий УзССР, можно отметить, что увеличение средств, которые поступали в медресе в процессе его деятельности, приводили к улучшению условий для студентов. В частности, учебные комнаты были отремонтированы, оборудованы мебелью, установлены душевые кабины, современная комната для омовений, в каждой комнате были установлены газовые печи. Деревянные полы были застелены новыми коврами, привезена постель, которая менялась раз в неделю, а также студенты были обеспечены фарфоровой посудой [15, с. 32]. Отопление комнат зимой осуществлялось за счет

медресе, постоянно обеспечивалось электрическое освещение. С согласия слушателей им выдавались раз в день горячая пища, а по утрам и вечерам горячий чай. За счет медресе осуществлялись расходы на отопление, оплату труда, а также издержки, связанные с топливом и мылом на поддержание чистоты [16, с. 60–61].

При медресе, с целью оказания услуг студентам, осуществлял свою деятельность обслуживающий персонал. В общежитии были организованы специальная комната для омовений и душевая, каждому студенту предоставлялась отдельная тумбочка, вешалка, для общего пользования радиоприемник и репродуктор [17, с. 56].

Анализ архивных источников показывает, что созданные для студентов условия жизни в медресе Мири Араб были очень комфортные, в отличие от подобных учебных заведений в странах Востока. Так, один из студентов из Узбекистана, обучавшийся в Университете ал-Азхар в своих письмах писал: «Администрация университета выделила нам одну комнату в общежитии, в которой мы разместились вдвоем. В общежитии нет условий. Комната без дверей, пол бетонный, в комнате размещены две кровати, но стола и стульев для подготовки к занятиям нет. По соседству с нами разместились африканские студенты, большинство которых являются тяжелобольными. В столовой пользуются общей для всех посудой, для подготовки к урокам никаких условий не создано» [18, с. 8–9].

Другой студент, обучающийся в Иорданском исламском университете, оставил такие воспоминания: «Иорданский университет не смог обеспечить нас отдельными комнатами. Мы продолжаем жить вместе с другими студентами в общежитии при учебном заведении. Эти комнаты предназначены только для ночевки, в них нет ни столов, ни стульев. После занятий студенты занимаются в библиотеке, расположенной в этом здании. Нет условий для работы студентов над собой, общежитие в беспорядке, не отвечает требованиям гигиены» [19, с. 152].

Анализ предметов в вышеуказанных медресе показывает, что «послабления» в государственном религиозном образовании на самом деле играли главную роль в том, какой предмет должен был преподаваться, что должно входить в его состав и при их отборе. Бюрократическая система советского государства отражалась на преподавании в медресе. Обучение там было сходно со светскими учебными заведениями, где основной упор делался на преподавание истории и географии СССР, политической эконо-

мии, советской литературы, обществоведения и в большом количестве часов русского языка.

На разработку научной и образовательной программ единственных в Союзе медресе были получены разрешения уполномоченного по делам религий УзССР и Министерства по делам религий СССР. В 1955–1956 гг. общий учебный план медресе составлял 5456 час., из них 1842 час. отводилось на изучение светских наук, и по всем предметам в течение недели на преподавание религиозных предметов приходилось 66%, а учебные времени на светские науки – 34% [20, с. 2–5]. Из этих показателей видно, что в 1950–1955 гг. учебным планом по обучению религиозным предметам была дана некоторая свобода. В качестве дисциплин были введены некоторые религиозные предметы, в частности устои (догматика) вероучения, исламское законодательство, логика и др. В документах Духовного управления отмечалось расширение программы по изучению арабской литературы, улучшению учебно-воспитательного процесса.

В 1962–1963 гг. количество часов на религиозные дисциплины было сокращено до 2 час. в неделю, вместо них увеличены часы на такие дисциплины, как русский язык и литература, которые преподавались до 6 час. в каждом классе. Между тем на такой предмет как История Узбекистана в качестве приложения к истории СССР отводилось меньше времени. В эти учебные годы «История ислама» трактовалась как религиозная дисциплина, были введены такие новые предметы, как каллиграфия, политическая экономия, история восточных народов, экономическая и политическая география стран Азии и Африки, физическая культура. В учебной программе сократили пять предметов, 7 час. отводилось на религиозные предметы, 18 час. – на языки, 4 час. – на общие предметы [21, с. 9]. Директор медресе Исмаил Саттиев, говоря об особом внимании к вопросу улучшения изучения студентами языков, подчеркивал перспективы работать в рамках Духовного управления и государственных органах. В целях повышения религиозной квалификации проводилась ротация несения службы в мечети при медресе. Ученики медресе во внеурочное время изучали фетвы, вынесенные Духовным управлением [22, с. 69–77].

Регулярно на общих заседаниях педсовета и Духовного управления поднимался вопрос об учебниках, которые не были адаптированы к религиозной образовательной системе. Большинство из них, допущенных к преподаванию студентам, были созданы задолго до 1917 г. и бесспорно не отвечали современным

требованиям преподавания. Например, учебник по хадису «Мушкат Аль Масобих» автора Ибн Абдуллы Табризи был опубликован в начале XVI в. Учебник по стилистике, риторике арабского языка и его значений – «Маонул Баён» – был составлен автором из Дамаска в конце XIV в. Занятия по синтаксису арабского языка велись по учебнику «Дуруси Нахвия», составленными учителями Ханафи Мухаммадом и Мустафой из Каира. В отчете от 1956 г. уполномоченного по делам религий при Бухарском облисполкоме Н. Ачилова нашли отражение факты использования в религиозном учреждении учебников, созданных 500–600 лет назад и в их первоизданном, не переработанном виде [20, с. 5].

Отсутствие учебного материала и возможностей научной среды, слабый педагогический состав, неспособность создать современный учебник, бесспорно, требовали качественных преобразований в деятельности медресе. Ученые богословы из арабских стран выражали свою готовность в оказании помощи с подбором преподавательских кадров, однако центр категорически отказывался от такого содействия. В документах отмечалось, что данный вопрос следует рассматривать с большой осторожностью. В частности, председатель Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР А. Пузин в письме от 10 января 1963 г. Ш.К. Ширинбаеву выразил свою поддержку З. Бабаханову, И. Саттиеву и Ю. Шакирову в ведении регулярной переписки с муфтиями Ливана Мухаммадом Ади Эль Джужу и Мухаммадом Эль Хидрий, только при условии не затрагивания вопроса о приглашении шейхов из ал-Азхара в Бухару [23, с. 33].

Принимая во внимание необходимость создания Духовным управлением системы образования, отвечающей заявленным требованиям, были предприняты меры по обеспечению учебных заведений учебниками. В частности, по истории ислама, вероучению, чтению на арабском языке, морфологии и синтаксису, обучению персидскому языку. Была также выдвинута идея о создании учебников для старших классов, отвечающих требованиям времени и шариата. Переписывание от руки для внутреннего пользования специальных учебников по основным предметам, таким как «Мабда аль-кироат», «Мабдаи нахвия», «Рахбари фарси», было решено заменить перепечаткой и последующим распространением среди студентов. Но все эти меры не могли компенсировать отсутствие учебников. Как отмечал в своих отчетах заведующий учебной частью медресе, значительной разницы между нынешними

выпускниками медресе и студентами медресе в досоветский период не было [24, с. 113].

На педсовете медресе многократно отмечали внедрение и использование современных методов преподавания преподавателями и учителями (возраст большей части их был между 50 и 70 годами). Недостаточное обеспечение студентов медресе учебниками, и то, что учебники были написаны в старом стиле, оказывали негативное влияние на усвоение материала [25].

С другой стороны, от слушателя медресе требовалось выполнять все требования, предъявляемые государством к обычным советским студентам. Студенты медресе выполняли все те работы, которые должны были выполнять рядовые советские граждане, например участвовать в работах по уборке хлопка, заготовке семян и другие работы. В целях повышения интереса студентов к таким работам и в качестве материальной поддержки со стороны Духовного управления студентам вручались денежные премии.

Для увеличения количества обучающихся в религиозных учебных заведениях и качества обучения был осуществлен ряд мероприятий. В частности, с целью улучшения усвоения арабского языка был организован лингвистический кружок, слушатели которого постоянно проходили практику проведения богослужений в мечети при медресе. Они по очереди возглавляли такое важное для священнослужителей богослужение, как пятничная молитва. Оказывалась и финансовая поддержка студентам. Так, каждый слушатель получал стипендию в размере 40 руб. Кроме того, управление оплачивало дорожные расходы студентов во время каникул, связанные с их отбытием и прибытием [26, с. 3].

Решением Духовного управления на 1959–1960 уч. г. на одежду студентов медресе было выделено 900 руб. Эта сумма была потрачена на покупку классических костюмов – пиджака и брюк, а также ботинок, вместо традиционной одежды духовных лиц в виде чалмы и халатов. По мнению руководства, такая одежда позволяла студентам не выделяться из общей массы жителей городов и ходить по улицам Ташкента в соответствии со светской культурой [27, с. 112].

Кроме участия в общественной жизни, студенты медресе постоянно прослушивали лекции, посвященные актуальным вопросам международных отношений, важным событиям дня. Каждый день осуществлялся просмотр информационной программы «Время» по центральному телевидению, а также постоянно читались свежие номера газет и журналов [15, с. 30]. По воспомин-

нениям У. Идрисова: «Мы все в медресе – и преподаватели, и шо-гирди – должны были выписывать и читать общесоюзные газеты “Правда”, “Известия” и две бухарские газеты. Как сейчас помню такую смешную картину: величественное медресе Бухары, на стенах древние изразцовые орнаменты, наш преподаватель Корана, Садритдин кори ака сидит перед своей кельей, у него в руках вверх ногами газета “Правда”, а сам читает про себя Коран... Он ведь по-русски читать-то не умеет, а по-узбекски на старом шрифте – с арабской графикой, но делает вид, что “Правду” читает. Так надо..!» [11, с. 19].

Центральная власть следила также и за соблюдением студентами здорового образа жизни. Студенты посещали раз в неделю баню, 2 раза в месяц кино, 1 раз в месяц театр. Раз в месяц им выдавались два куска туалетного мыла, два полотенца, две простыни, две пары нижнего белья [12, с. 118]. При медресе действовала специальная прачечная со специализированными местами для разогрева воды и стирки белья. Стиркой наружного и нижнего белья, поступающего от сотен студентов, а также простыней и наволочек из общежития, занимались две сотрудницы. С целью облюдения чистоты и правил санитарии для студентов при медресе действовали парикмахерская и врач, работавшие каждый день [17, с. 84–85].

Слушатели медресе были обязаны соблюдать порядки и требования со стороны Духовного управления. Также студенты должны были уважительно относиться друг к другу, проявлять уважение в отношении преподавателей и учителей, представителей духовенства, верующих и вести себя достойно, защищать собственность медресе. При изучении основ ислама, вопросов теологии должны были уделять внимание и приобретению светских знаний. В частности, они должны были знать самые последние технические достижения, расширять свой кругозор, становиться совершенными и думающими людьми. Верующие мусульмане должны были относиться к религиозным деятелям с уважением и доверием. Слушатели должны были стать примером для других своими выдающимися качествами, жаждой к знаниям, соблюдением порядка во взаимоотношениях между собой, чистоплотностью в общежитии, участием в обязательных пятикратных молитвах [13, с. 93]. Эта психологическая адаптация определяла привыкание студентов к правилам и нормам, предъявляемым обществом.

В правилах внутреннего распорядка отмечалось следующее: «Слушатели медресе всегда должны помнить, что они считаются

студентами великого Советского государства. Наряду с изучением религии и богослужения, необходимо было следовать советским принципам морали, воспитывать патриотизм, быть правдивыми и искренними в работе и учебе, соблюдать законы. Во время нахождения в медресе и после его окончания не быть высокомерными, не предаваться фанатизму, иметь поведение советского гражданина, мягко обращаться с семьей и людьми, быть дисциплинированными, быть личностями, соответствующими пожеланиям людей и семьи» [24, с. 123].

Формирование патриотизма как основы советской идеологии, добросовестного служения обществу также разграничивало студентов на «своих» и «чужих», когда студенты медресе выезжали на стажировку за границу. Во время обучения в зарубежных исламских университетах (Египет, Сирия, Марокко, Судан, Иордания) советские студенты медресе должны были демонстрировать качества, присущие советскому человеку. Создавался некий образ «советского мусульманина». В частности, студенты советских медресе во время обучения в зарубежных исламских университетах показывали на своем примере, что ислам в СССР существует, рассказывали о достижениях советского государства. В частности, слушатель медресе – С.М., студент университета в Бенгази пишет, что «в Триполи в Ливии, слушатели ничего не знают о мусульманах советского государства. Я рассказал им, что в Советском Союзе свобода вероисповедания, каждый может отправлять ритуалы своего культа, что государство не вмешивается в дела религии и верующие не преследуются. Мы, студенты медресе, стараемся исполнять возложенные на нас советским государством обязательства. Оправдывая доверие, оказанное нам, мы будем служить мусульманам своей страны (7 июля 1975 года)» [28, с. 65–66]. Во время интервью с бывшими студентами медресе, они подтверждали, что следовали установленным государством правилам, демонстрировали свою гражданскую лояльность, они понимали, что этим они могут сохранить свое место учебы в зарубежных университетах и старались оправдать имя советского мусульманина [25].

В заключение хотелось бы отметить, что, на мой взгляд, жизнь студентов в медресе была строго регламентирована. Контролирующие органы постоянно наблюдали за учебным процессом, внутренним порядком и даже настроениями среди студентов. Ключевым моментом регламентации можно назвать демонстрацию студентами светского образа жизни посредством

посещения кинотеатров, театров, ношения светской одежды и изучения светских дисциплин, занимавших существенную часть отводимых часов. Организацию учебных заведений при Духовном управлении мусульман Средней Азии и Казахстана можно рассматривать как инструмент формирования лояльных мусульманских священнослужителей. Такое положение дел встречало нередко со стороны студентов недовольство, и они выступали с ходатайствами об увеличении религиозных дисциплин и строгом соблюдении повседневных практик правоверного мусульманина.

На основании проведенных исследований складывается картина глубокого эмоционального уровня веры у учащихся, настроения многих студентов были довольно-таки схожими и заключались в неприятии светских дисциплин и стремления к углубленному изучению теологических (теософских) предметов. С другой стороны, искренняя вера была сопряжена с различного рода ограничениями, с которыми они сталкивались в виде недостатка личного времени, строгостями правил в распорядке дня. Условия обучения и жизни в медресе Узбекистана, в отличие от аналогичных учебных заведений на Востоке, отличались созданием благоприятных условий для студентов во всех отношениях: стипендии, бесплатное обучение, питание, общежитие, экипировка и др. Опыт обучения за рубежом (Египет, Иордания и др.) также дает возможность проследить за жизнью студентов и отметить их неудовлетворенность бытовыми условиями в кампусах, которые сильно контрастировали с условиями, которые были созданы в Советском Союзе.

Литература и источники

1. Babadjanov B., Kamilov M. Muhammadjan Hindustani (1892–1989) and the Beginning of the «Great Schism» among the Muslims of Uzbekistan // *Islam in Politics in Russia and Central Asia (early eighteenth to late twentieth centuries)*. Edited by Stephane A. Dudoignon and Komatsu Hisao. Kegan Paul. 2001. P. 195–219; Bennigsen A (co-authorship Lemerrier-Quelquejaye Ch). *Islam in the Soviet Union*. New York: Praeger, 1967. P. 272; Devin DeWeese. *Islam and Soviet Legacy of Sovietology: A Review essay on Yaacov Ro'i's Islam in Soviet Union* // *Journal of Islamic Studies*, 13:3, 2002. P. 298–330; A. Muminov, U. Gafurov, R. Shigabbiddinov. *Islamic Education in Soviet and post-Soviet Uzbekistan* // «Islamic Education in the Soviet Union and its Successor States» Edited by Michael Kemper, Raoul Motika and Stefan Reichmuth, 2010. P. 223–280; Eren Tasar. *The Official Madrasas of Soviet Uzbekistan* // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2016. Vol. 59. P. 265–302.

2. Мири Араб было предположительно построено в 1535–1536 гг. Сайидом Абдуллой аль-Иамани Хазарамавти, духовным наставником удельного правителя Бухары эмира Убайдуллахана (1512–1539). Медресе «Баракхон» входит в комплекс «Хазрати Имам». Оно было названо в честь правителя Ташкента – Баракхона (Навруз Ахмадхон), который правил Мавераннахром в период между 1551 и 1556 гг. и построил это медресе. Оно состоит из комплекса зданий, построенных в XV–XVII вв. Строительство велось поэтапно с 1502 по 1770 г.
3. William van den Bercken. *Ideology and atheism in the Soviet Union* by William Peter van den Bercken. 1989. Berlin; New York: Mouton de Gruyter. P. 191.
4. Среднеазиатское духовное управление мусульман было создано стараниями Ишана Бабахана сына Абдулмаджидхана 31 июля 1943 г. Его возглавляли в 1957–1982 гг. З. Бабаханов, в 1982–1989 гг. Ш. Бабаханов, в 1989–1993 гг. Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф.
5. ЦГА РУз. Ф. Р-2456. Оп. 1. Д. 136. С. 8–9.
6. В.А. Ахмадуллин, основываясь на архивных документах ГАРФ, утверждает, что после тщательного отбора студентов, поступающих в медресе, за три года не был набран указанный контингент и в результате в открытие медресе в Ташкенте было отказано. См.: Ахмадуллин В.А. Типичные ошибки исследователей, изучающих исламское образование в СССР // *Пространство и время*. Post scriptum: Переводы, рецензии, мнения. 3 (13) 2013. С. 235–238.
7. Например, список документов для поступления в широко известный в арабских странах университет аль-Азхар в Египте включал в себя информацию о возрасте, официальное письмо (отношение) от направляющей организации и справку с места жительства абитуриента. Абитуриент также должен был иметь хорошую репутацию и характеристику от органов правительственных учреждений либо преподавателей университета. Обучение в университете состояло из начального (четыре года), среднего (пять лет) и высшего (четыре года) образования. См.: ЦГА РУз. Р-2456. Оп. 1. Д. 178. С. 102–103.
8. ЦГА РУз. Р-2456. Оп. 1. Д. 633. С. 25–26.
9. ЦГА РУз. Р-2456. Оп. 1. Д. 500. С. 43–49.
10. См.: хотя в 1945 г. было дано разрешение на открытие медресе в Бухаре и Ташкенте, из-за нехватки достаточного места медресе Баракхан начало свою деятельность только в 1956 г. Согласно внутреннему приказу ДУМа, пятые и шестые классы медресе Мири Араб были переведены в медресе Баракхан и Духовное управление, при личном участии З. Бабаханова, создало возможность осуществлять постоянный контроль над слушателями старших курсов, улучшением учебной деятельности, формированием их имамами.
11. Идрисов У. Бухарские воспоминания. 20 лет служения имамом. Н. Новгород: ИД Медина, 2007. С. 19–20.
12. ЦГА РУз. Ф. Р-2456. Оп. 1. Д. 212. С. 118.
13. ЦГА РУз. Ф. Р-2456. Оп. 1. Д. 201. С. 93–94.
14. Eren Tasar. *The Official Madrasas of Soviet Uzbekistan* // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2016. Vol. 59. P. 275–276.
15. ЦГА РУз. Ф. Р-2456. Оп. 1. Д. 637. С. 32.
16. ЦГА РУз. Ф. Р-2456. Оп. 1. Д. 430а. С. 60–61.
17. ЦГА РУз. Ф. Р-2456. Оп. 1. Д. 221. С. 56.

18. ЦГА РУз. Ф. Р-2456. Оп. 1. Д. 358. С. 8–9.
19. ЦГА РУз. Ф. Р-2456. Оп. 1. Д. 587. С. 152.
20. ЦГА РУз. Ф. Р-2456. Оп. 1. Д. 198. С. 2–5.
21. ЦГА РУз. Ф. Р-2456. Оп. 1. Д. 325. С. 9.
22. ЦГА РУз. Ф. Р-2456. Оп. 1. Д. 292. С. 69–77.
23. ЦГА РУз. Ф. Р-2456. Оп. 1. Д. 358. С. 33.
24. ЦГА РУз. Ф. Р-2456. Оп. 1. Д. 231. С. 113.
25. По итогам беседы проведенной автором в феврале-марте 2016 г. (г. Ташкент) с бывшими студентами медресе выяснилось следующее: метод преподавания в медресе резко отличался от метода преподавания в советской системе образования.
26. ЦГА РУз. Ф. Р-2456. Оп. 1. Д. 275. С. 3.
27. ЦГА РУз. Ф. Р-2456. Оп. 1. Д. 268. С. 112.
28. ЦГА РУз. Ф. Р-2456. Оп. 1. Д. 563. С. 65–66.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир».*

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

С. Клепиков,

аспирант кафедры Всеобщей истории
и международных отношений

(Кубанский государственный университет)

К ВОПРОСУ О СТРАТЕГИЧЕСКОМ СОЮЗЕ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ ИРАН (2017 г.)

***Аннотация.** С 1991 г. отношения между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран занимают важное место в политике обеих стран. Сотрудничество этих государств за 25 лет распространилось практически на все значимые моменты международного партнерства. Среди них – энергетика, торговля, туризм и, с недавних пор, военное взаимодействие, проявляющееся в участии России и Ирана в сирийской гражданской войне. Становится очевидным, что отношения между странами перерастают в нечто большее, чем просто международное партнерство. Интерес представляет тот факт, что оба государства находятся под давлением международных санкций (со стороны США и Европы), что определяет особую политику России и Ирана в этом вопросе. В данном исследовании речь идет о возможности создания стратегического союза между РФ и ИРИ с учетом современной международной ситуации.*

Ключевые слова: Иран, Россия, стратегический союз, партнерство, политика, санкции.

19 февраля 2017 г. в российских СМИ появилась информация о формировании полноценного стратегического союза Российской Федерации (РФ) и Ирана. Указывалось, что председатель межджлиса Исламской Республики Иран (ИРИ) Али Лариджани в ходе интервью телеканалу «Альмадин» указал, что Иран заинтересован в стратегическом союзе с Россией. Российская общест-

венность, комментируя данное высказывание, выразила надежду, что стратегический союз между странами сформирует новую среду для дальнейшего развития российско-иранского партнерства¹. Для того чтобы наиболее подробно осмыслить роль такого сотрудничества для России и Ирана, необходимо проанализировать сегодняшнее состояние российско-иранских отношений и те условия, в которых они развиваются.

С началом 2017 г. вновь обострилась ситуация в ирано-американских отношениях. Два года, прошедшие с момента снятия санкций, показали, что экономическая ситуация в Иране осталась на санкционном уровне. Произошло это по ряду причин. Так, исследователь П.А. Артемьев видит причину ограничения в неполном снятии санкций, а значит в ухудшении инвестиционного поля (и так достаточно слабого). Например, США по-прежнему могут вводить санкции против зарубежных компаний и лиц, инвестирующих в Иран [Артемьев 2016: 21]. При этом, несмотря на изначальное снижение «агрессивной риторики» Соединенных Штатов Америки, большая часть денег (около 107 млрд долл.) Тегерана остается замороженной на счетах зарубежных банков. Нельзя не согласиться с мнением И.Е. Федоровой, которая указывает на отрицательную роль решения Верховного суда США поддержать решение Конгресса о предоставлении 2 млрд долл. семьям 241 солдат, погибших в результате террористической атаки в Бейруте 23 октября 1983 г. Эти деньги были сняты со счетов Центрального банка Ирана, замороженных в США [Федорова 2016: 257]. Иранская общественность была крайне недовольна этим шагом Вашингтона. Недовольным осталось и правительство ИРИ, лишний раз убедившееся в ненадежности «американских партнеров». Становится очевидным, что программа Совместного всеобъемлющего плана действий по решению иранской ядерной проблемы (СВПД)² может быть оптимальной в контексте иранской ядерной проблемы, но она едва ли способствует развитию иранской экономики. Ситуацию обострил новоизбранный президент

¹ Иран намерен создать стратегический союз с Россией на Ближнем Востоке. – РИА «Новости». Доступ: <https://ria.ru/world/20170219/1488329308.html> (Проверено: 19.02.2017.)

² О ходе выполнения Совместного всеобъемлющего плана действий по обеспечению мирного характера иранской ядерной программы. – Официальный сайт МИД РФ. Доступ: <http://www.mid.ru/o-hodevypolnenia-sovmestnogo-vseobemlusego-plana-dejstvij-po-obespeceniu-mirnogo-haraktera-iranskoj-adernoj-programmy> (Проверено: 24.02.2017.)

США Д. Трамп, который еще во время своей предвыборной программы заявил о своем негативном отношении к ИРИ. Сменив более либерального в этом вопросе президента Б. Обаму, Д. Трамп незамедлительно начал сыпать угрозами в адрес Ирана (например, Д. Трамп заявил об уверенности в разработке Ираном ядерного оружия в обход СВПД¹). С учетом общей «усталости» от США из-за так до конца и не снятых санкций и добавившейся к ним агрессивной риторики Д. Трампа Тегеран вновь решается на обострение отношений с Вашингтоном (а значит, и с Европой). 29 января 2017 г. в районе г. Семнана (230 км от Тегерана) был произведен испытательный пуск баллистической ракеты, а 8 февраля испытания были проведены повторно. Эффект оказался мощнейшим – Соединенные Штаты Америки пригрозили выработкой новых санкций в отношении Исламской Республики Иран. Новый виток санкций грозит привести ирано-американские отношения к уровню 2002–2008 гг. В этом контексте становится очевидным дальнейшее развитие российско-иранского партнерства. У России ситуация схожая: во-первых, ее экономический потенциал блокирован американскими санкциями, во-вторых, отношения между РФ и США за последние два года ухудшились настолько, что некоторые СМИ все чаще и чаще используют выражение «новая холодная война». Именно эти моменты становятся фактором формирования стратегических отношений между РФ и ИРИ (не говоря уже о множестве других сфер взаимодействия государств, например в области энергетики, торговли, туризма и т.д.).

Несмотря на то что возможность стратегического партнерства России и Ирана обсуждалась исследователями еще в 1995 г. (во время заключения контракта на строительство АЭС в г. Бушере) [Юртаев 2012: 290], всерьез заговорили о ней только с началом участия РФ в сирийской гражданской войне (2011 г. – н.в.). Именно это событие привело к новому этапу развития российско-иранского партнерства. Если проанализировать события в Сирийской Арабской Республике (САР) 2011–2016 гг., становится очевидной схожесть путей ИРИ и России в решении сирийского конфликта. Естественно, Иран, как и Россия, поддерживает нынешнего президента Сирийской Республики Башара Асада и стремится всеми силами если не оставить у власти самого президента, то хотя бы

¹ Трамп: Иран не получит ядерное оружие. – Официальный сайт телеканала «Вести». Доступ: [http:// www.vestifinance.ru/articles/81415](http://www.vestifinance.ru/articles/81415) (Проверено: 20.02.2017.)

сохранить существующий режим. При этом цели у стран совершенно разные. По версии исследователя В.В. Евсеева, основной целью участия России в сирийской гражданской войне является сохранение договоренностей с нынешним правительством Сирии (многие из которых представляют из себя многомиллионные и долгосрочные контракты на поставку военной техники, технологий и др.) и укрепление своей позиции на Ближнем Востоке, так как в случае победы правительственных войск Сирия станет удобным плацдармом российской военной мощи на Ближнем Востоке. Данное событие, несомненно, ослабит влияние США в регионе, что также станет победой российской дипломатии. В свою очередь, Исламская Республика Иран идет путем своей концепции экспорта исламской революции и видит Сирийскую Арабскую Республику во главе с президентом-алавитом (шиитское направление в исламе) Б. Асадом. В.В. Евсеев использует понятие «шиитской дуги» для определения планов Ирана. «Дуга» подразумевает укрепление позиций Ирана на Ближнем Востоке от Ирана до Ливана через Сирию [Евсеев 2016: 93].

Используя ограниченные контингенты своих войск на территории Сирии (у России это в основном ВВС, у Ирана – военные советники, добровольцы «Басидж»¹ и Корпус стражей Исламской революции), ИРИ и РФ успешно сотрудничают в противостоянии радикальной террористической группировке ДАИШ², сумев общими усилиями нанести крупные потери ее войскам [Клепиков 2016: 46].

Говоря о политической стороне конфликта участников гражданской войны, важно отметить факт создания коалиции Тегерана и Москвы в противовес коалиции Вашингтона и Эр-Рияда, что вылилось в фактическое отстранение Саудовской Аравии от участия в гражданской войне в САР и ослабило позиции США. Эти события создали условия для создания межсирийского диалога, в котором Россия и Иран являются ведущими странами-миротворцами.

Соотнося схожесть санкционной ситуации в России и Иране и успех их сотрудничества в сирийской гражданской войне, описанные в данном исследовании, становится очевидной возможность создания стратегического союза России и Ирана (хотя бы

¹ «Басидж» – иранская полувоенная милиция, состоящая из добровольцев.

² ДАИШ – арабское наименование террористической группировки, более известной в России как ИГИЛ, деятельность которой запрещена в России.

в контексте конфликта в САР). Это означает, что союз можно называть военно-стратегическим. Именно этот контекст и подразумевал А. Лариджани, подчеркивая, что «Иран и Россия вместе идут стратегическим путем по решению сирийского кризиса. Есть надежда, что политические переговоры в Анкаре достигнут своей цели. Москва и Тегеран всегда стремятся путем диалога выстраивать наиболее эффективные действия»¹. Анализируя текст интервью А. Лариджани, стоит отметить его озабоченность событиями в Йемене, которые привели к ослаблению позиций Саудовской Аравии в гражданской войне в Сирии².

К сожалению, несмотря на вышеуказанные успехи Москвы и Тегерана и перспективы их сотрудничества, говорить о полномасштабном союзе пока рано. Существует много различных противоречий между Россией и Ираном (например, каспийская проблема), отодвигающих создание данного союза на далекую перспективу. Основная проблема связана, естественно, с разным менталитетом представителей обеих стран. Невозможно не согласиться с мнением известного ираниста Е.В. Дунаевой, которая связывает основные противоречия ИРИ и РФ с межкультурным фактором [Дунаева 2015: 130].

Естественно, Иран всегда будет сотрудничать с Россией, так как РФ находится в иранском векторе геополитического направления. Однако стоит помнить, что иранцы не поступятся своими интересами, и всегда будут отстаивать свои права. Здесь проходит очень тонкая грань, по линии которой России стоит вести политику с ИРИ. После Исламской революции новое поколение иранских граждан (от рядовых до политической элиты) впитали в себя основные элементы концепции идеолога Исламской революции аятоллы Хомейни, закрепленной в Иранской конституции. В рамках данного исследования становится целесообразным сослаться на ст. 146 Конституции ИРИ, которая не допускает «размещение каких-либо иностранных военных баз на территории страны, даже в мирных целях»³. Статья 81 Конституции запрещает «предостав-

¹ [Али Лариджани: Мы приветствуем прямой диалог с арабскими странами во главе с Саудовской Аравией]. – Официальный сайт телеканала AlMayadeen. URL: <http://www.almayadeen.net/news/politics/52456/> (Проверено: 19.02.2017.) (На перс. яз.).

² Там же.

³ Конституция Исламской Республики Иран (неофициальный перевод). 1989. – Весна свободы. К годовщине победы Исламской революции в Иране. – М., 1994. – С. 83.

ление иностранцам концессий при создании фирм и организаций в области торговли, промышленности, сельского хозяйства, горной промышленности и сферы услуг¹. Это подтверждает факт, что Иран очень осторожен в выборе партнеров и любое проявление неуважения к собственному суверенитету и навязывание чужих правил приведет к разрыву отношений. Разумеется, в рамках данного исследования невозможно раскрыть все сферы взаимодействия России и Ирана. Но можно констатировать, что в 2017 г. российско-иранское партнерство вышло на новый уровень. При этом отношения двух стран пока нельзя назвать союзными. Не вызывает сомнения, что 2017 г. станет годом принятия кардинальных решений в сфере международных отношений. В том же году должны состояться выборы президента ИРИ, результат которых также может повлиять на дальнейшее развитие связей двух стран.

Литература

1. Артемьев П.А. 2016. Позиции Ирана на мировом рынке капитала. Перспектива после снятия санкций. – Иран во втором десятилетии XXI века: Вызовы и перспективы. – М.: ИВ РАН.
2. Евсеев В.В. 2016. Российско-иранское сотрудничество в интересах урегулирования сирийского кризиса. – Иран во втором десятилетии XXI века: Вызовы и перспективы. – М.: ИВ РАН.
3. Дунаева Е.В. 2015. Россия и Иран: Культурный аспект взаимодействия. – Российско-иранские отношения: Проблемы и перспективы. – М.: ИВ РАН. – С. 124–138.
4. Клепиков С.С. 2016. Гражданская война в Сирии (2011–2015 гг.) и позиции России и Ирана. – Историческая и социально-образовательная мысль. – Т. 8. – № 3/1. – С. 45–48.
5. Федорова И.Е. 2016. Американо-иранские отношения после принятия Совместного всеобъемлющего плана действий по решению иранской ядерной проблемы. – Иран во втором десятилетии XXI века: Вызовы и перспективы. – М.: ИВ РАН.
6. Юртаев В.И. 2012. Особенности и реализация внешней политики Исламской Республики Иран (1979–2010 гг.). – М.: РУДН. – 385 с.

*«Власть»,
М., 2017 г., № 4, с. 174–178.*

¹ Конституция Исламской Республики Иран (неофициальный перевод). 1989. – Весна свободы. К годовщине победы Исламской революции в Иране. – М., 1994. – С. 94.

А. Филоник,
кандидат экономических наук
(Институт востоковедения РАН)
**ИСЛАМСКИЕ ФИНАНСЫ
И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ**

***Аннотация.** За полвека исламские банки получили известность тем, что не признают взимание процента за операции с деньгами, что категорически осуждается в исламе как ростовщичество, и участвуют в инвестиционном процессе в качестве партнеров по бизнесу, разделяя все риски по финансируемому проекту. Банковская прибыль формируется за счет дохода от размещенного в таком проекте капитала, который запрещено держать в кубышке, что ставит его целиком на службу обществу, способствуя идее равномерного распределения благ и социальной справедливости.*

Ключевые слова: исламский банкинг, исламская финансовая индустрия, финансовый бизнес, активы, микрофинансирование.

Исламские банки действуют мягче классических, что особенно важно именно сейчас, когда крайние проявления нестабильности на Арабском Востоке существенным образом осложняют ситуацию на рынках, выключив из нормальной экономической жизни важную во всех смыслах часть региона. Многие хозяйственные институты даже на периферии военного конфликта работают с повышенной долей риска и вынуждены выстраивать свою деятельность в нездоровой обстановке, которая всегда имеет шансы резко ухудшиться в обстоятельствах, которые трудно предусмотреть.

Исламские банки, которые по сложившейся практике активно функционируют в экономике аравийских нефтеэкспортеров и за их пределами (главным образом в Малайзии и, в точечном варианте, в ряде стран Запада), в этом отношении находятся в лучшем положении. Они сконцентрированы на удалении от проблемных арабских государств и не подвергаются случайностям внеэкономического порядка. Именно здесь после революции цен на нефть в середине 70-х годов прошлого века они заработали авторитет надежного бизнес-партнера и довольно быстро сформировались в органичный элемент финансовой системы, обеспечивающий стабильность инвестиционных, торговых и кредитных сделок.

Арабский капитал в исламском образе

В зоне относительного спокойствия исламская финансовая система продолжает действовать в заданном алгоритме, постепенно наращивая возможности и расширяя зону своих притязаний. Это в целом естественный процесс, насчитывающий десятилетия, который связан, в основном, с физическим увеличением исламского капитала и иных активов, накопленных в ходе успешного утверждения в родственной среде, довольно живо откликающейся на исламскую инициативу арабского денежного капитала.

Тем не менее эта инициатива даже в собственном цивилизационном поле наталкивается на факт существования обычных банков, которые исторически не испытывали влияния или конкуренции со стороны иных кредитных учреждений.

Но финансовое могущество аравийских обладателей валютных ресурсов определенным образом изменило ситуацию. Их интересы столкнулись с инациональным капиталом, и внутренняя структура банковско-финансовой деятельности в регионе стала меняться, подстегнутая и динамикой глобализационного процесса. В него арабский капитал оказался втянутым преимущественно как адепт, а не первопроходец. Но по факту и по ходу сумел доказать свою эффективность как равноправный участник системы мирового обращения капитала.

В своих странах исламские банки рассчитывают на преимущества не только благодаря тому, что удачно вошли в высококонкурентную среду. Они психологически более комфортны для клиентов-мусульман. И к тому же следуют исламской традиции социальной справедливости. Потребность в ней высоко стоит на шкале национальных предпочтений и все больше оказывается в ходу, особенно с началом в 2011 г. протестных движений в ряде стран арабского мира.

К тому времени подъем национального самосознания стал фактором, способствовавшим окончательному институциональному оформлению идеи исламского банкинга. Она реализовалась в крупном аравийском проекте и накопила достаточно сил, чтобы развернуться в своих пределах и в известной мере конкурировать с крупнейшими конвенциональными кредитно-финансовыми брендами на их территории в зонах расселения мусульманской диаспоры.

В массовом сознании мусульманской уммы существование этого проекта закрепило некий вполне сформулированный под-

текст. Он создает уверенность, что взаимодействие с исламскими банками – акт исполнения религиозного долга и приносит дополнительное моральное удовлетворение от того, что деньги клиентов служат благой цели и в неоскверненной форме. Иначе трудно объяснить успех исламских банков, которые находят сторонников не только в мире ислама, но и в других цивилизационных системах. Ведь идея инвестиционного участия шариатского банка в финансируемом объекте перекликается с концепцией социального партнерства, получившей распространение в западном мире как средство смягчения остроты классовой борьбы.

Преобразование арабских капиталов в исламские можно в определенной мере рассматривать как коллективный арабский ответ на глобальные притязания западного капитала, которому следовало поставить идеологические и экономические преграды. В принципе этот момент укладывается в схему отношений части арабской интеллектуальной элиты к глобализации, концепция которой не может импонировать арабскому общественному сознанию, тем более что она увязана с недопустимыми для истинного мусульманина излишествами в потреблении и усиливает зависимость арабомусульманского мира от внешнего воздействия.

Другие группы, включая управленческий слой финансово-экономического блока, более терпимы к внешним влияниям. Их видение строится на том, что обычные банки едва ли могут быть существенно потеснены со своих позиций, по крайней мере в обозримом будущем. Они исполняют роль самодостаточной силы в мире финансов, одинаково имеющей право и на существование, и на свою часть прибыли от обращения капитала.

Извлеченное из минувших времен шариатское финансирование стало удачным ходом арабской экономической мысли. Исторически арабские инициативы отозвались серьезными изменениями на мировой арене. В недалеком прошлом (в середине 1970-х годов) произошли важные экономические и технологические подвижки в жизни Запада. Это, в одном случае, было связано с его ускоренным переходом в эпоху энергосбережения, в другом – с необходимостью серьезно принимать в расчет влияние и финансовое могущество арабских нефтеэкспортеров. И новшество в виде исламского финансирования также заставляет говорить о себе.

Во всяком случае исламские банки обрели достойное место в глобальных финансах и даже образовали влиятельную нишу, которую совершенствуют в расчете на дальнейшую экспансию.

А обретшие новое качество хозяйственные инструменты докапиталистической эпохи продемонстрировали широкие адаптивные возможности арабской экономической мысли и ее способность воплощаться в новых образах. Естественно, не стоит преувеличивать значение исламских авуаров уже хотя бы потому, что обычные банки в арабских пределах отнюдь не переродились и лишь ограничили в отдельных случаях исламскими отделениями. Деятельность же исламских банковских учреждений на этом фоне территориально гораздо уже и не лишена заметных отягощений. Последние выражены в том, что институты имеют довольно громоздкие аппараты, что вызывает сомнения в их эффективности. Но они должны прибегать к сложным дополнительным исследованиям финансово-экономического и религиозного порядка, чтобы не нарушать налагаемых на сделки шариатских ограничений.

Существенный недостаток, способный снижать популярность исламского банковского дела у немусульманской клиентуры и сдерживать его роль в современных кредитно-банковских операциях, видится в определенной архаизации товарно-денежных расчетов. Заключается она в том, что может вызывать некие ассоциации со средневековой инокультурной эпохой, атрибуты которой никогда прежде не присутствовали в европейском хозяйственном обиходе. Иноверцы нередко не учитывают, что терминология больше призвана оттенить именно национальную принадлежность кредитно-финансовой системы в ее традиционном обличье. Но могут сделать вывод, что обособленность подчеркивается намеренно, и это возводит моральную преграду, за которой таится опасность непредвиденных рисков для иностранных клиентов.

Но едва ли имеет смысл придавать традиционалистскому обрамлению исламского банковского феномена избыточное значение. Тем более что все операции проводятся в современном обществе, под них внедряются новейшие технические средства, субъектом также является население региона, вовлеченное в современные виды производства и услуг по каналам и исламского, и обычного банкинга. И весь этот организм создает среду, которая в целом доказала способность адаптироваться к условиям развитого рынка. К нему подключены реальный сектор и другие части воспроизводственного механизма, создающие основы жизнедеятельности государства. Они в подавляющем большинстве используют стандартные схемы, которые не носят особой национальной окраски и в целом универсальны. В этом качестве они делают хозяйственные системы арабского и всего мусульманского

мира неотъемлемой частью мирового экономического пространства и подчиняются его законам.

Исламские банки на марше

«Исламская экономика» (а фактически финансовый блок) развивается довольно быстрыми темпами. Совокупные активы ее оценивались в конце первого десятилетия нового века в 2 трлн долл. (для масштаба потери арабских стран от мирового финансово-экономического кризиса 2008 г., по состоянию на 2009 г., достигали 2,5 трлн долл.)¹. При этом она локализуется в сегментах географического пространства, населенного 1,6 млрд человек². По прогнозам, к 2020 г. суммарные фонды могут достичь уже 3,4 трлн долл., что должно служить доказательством динамичности процесса³. Между тем есть другие оценки – только 1 трлн долл.⁴

Расхождения можно считать результатом конфликтующих методик учета или интригами, нередко сопровождающими масштабную деятельность, которой тесно в своих пределах. Иначе трудно объяснить причины такой нестабильности показателя для претендующего на мировое признание предприятия, каким является исламский банкинг, притягивающий финансовые потоки в многозначных абсолютных цифрах.

Исламские финансы дали весомые доказательства активного роста. Но ныне стали обнаруживаться некие, сдерживающие накат, неполадки. Пока, скорее всего, рано принимать их за признаки истощения системы. Проще предположить, что закончилось время исключительно количественного накопления факторов роста.

Это означает, с одной стороны, что исламский капитал расширился до максимально возможных на сегодня границ, и заметные количественные сдвиги затруднены, хотя, конечно, есть варианты расширения позиций, в том числе и в западном мире. С другой стороны, действительно трудно предполагать, что процесс может постоянно находиться на взлете. Место на рынке, видимо, приходится отвоевывать у обычных банков, не пасующих даже перед крупными исламскими игроками.

Возможно, здесь кроется причина образования большого блока некорпорированного финансового бизнеса. Его субъекты массово специализируются на инвестициях и перераспределении денежных средств силами шариатских фондов, компаний и семейных заведений, формируют собственную клиентуру из менее зажиточных хозяйствующих субъектов, не интересных для «магист-

ральных» конкурентов. Создается впечатление, что все отрасли хозяйства в монархиях Персидского залива, так или иначе, пронизаны связями с исламскими учреждениями и работают только при их поддержке. В годы кризиса этот сектор пострадал более всех, увлекшись спекуляциями и операциями с недвижимостью.

Тем не менее исламский финансовый бизнес разного уровня не обнаруживает особых признаков тревоги. В непотопляемости он имел возможность убедиться в кризисных 2008–2009 гг. Тогда в странах Залива он не пережил драмы, а, скорее, испытал некоторое замешательство. Оно было быстро купировано за счет широкого маневра накопленными средствами и перераспределением денежных ресурсов между сумевшими отомобилизоваться суверенными фондами и банками.

«Арабская весна» и последовавшие события также не вызвали шока и каких-либо заметных изменений в финансовом положении монархий. Власти впрыснули полтора-два миллиарда долларов в возможные зоны роста социальной напряженности и не допустили массовых выступлений, сведя их всего к нескольким эксцессам, хотя и разным по интенсивности. В противном случае могли бы пострадать и исламские банки, являющиеся неотъемлемой частью, и, в определенном смысле, лицом финансовой системы нефтеэкспортирующих стран Залива.

Подпираемый таким тылом, исламский финансовый капитал остается на прежних позициях в арабской экономике, активно участвует накоплениями и услугами во всех видах хозяйственной деятельности, одновременно оставаясь притягательной сферой для вложения капиталов. На этом фоне не кажется неуместным его намерение поддерживать темпы роста и не снижать уровня достигнутого присутствия в региональном и международном банковском секторе и в экономике в целом.

Привлекательность исламских денег как объекта профессиональной деятельности создает не столько конкуренцию, сколько толчею на рынке и соблазн пренебречь правилами при совершении сделок для их ускорения. И подобные нередкие явления становятся серьезным вызовом, подрывающим доверие к системе со стороны ригористично настроенных клиентов. Недаром Национальное управление финансовых услуг Дубая настоятельно рекомендует банкам эмиратов, включая собственно Дубай, который претендует на роль лидера в исламском банкинге, следовать установленным нормам. Если уж столпы отрасли отступают от требований, причем в таких масштабах, что это взволновало наблюдающие органы,

то и на низших этажах бизнеса неминуемо будут складываться те же тенденции.

Между тем даже в менее развитых с точки зрения плотности исламской банковской сети странах типа Пакистана, соблюдается безукоризненное исполнение всех шариатских установлений. Требования предъявляются даже более жесткие, чем предписано исходными документами. А это нетерпимая ситуация, когда моральное первенство грозит закрепиться за прозелитами. Поэтому, наряду с признанием заслуг Дубая, ему, как и другим центрам исламского банкинга, вменяется в обязанность нормализовать все свойственные индустрии функции и строго соблюдать внутренний регламент соответствия устанавливающим документам⁵.

Банковские горизонты

Однако исламские экономисты обеспокоены не столько тем, как часто банки обходят требования системы, сколько задаются вопросом, почему это стало регулярным явлением. По настоящее время накоплены данные о разбалансировании в целом ряде случаев процесса оформления и совершения операций. Они проводятся произвольно, ограничиваясь часто некоторыми формальностями, создающими только видимость обязательных процедур.

Лишенный унификации подход вызвал появление множества несогласованных методик, которые порождают разночтения и неточности в важнейшем вопросе определении природы торгуемых товаров и установлении шариатской чистоты сделок. Правовой блок индустрии опасается, что критики системы будут и дальше эксплуатировать вопрос игнорирования банковским сообществом серьезных недостатков⁶.

Руководство исламской банковской индустрии ныне приходит к выводу о безусловной стандартизации процесса и требует сосредоточить усилия не только на показателях роста, но и на сопутствующих правовых процедурах. Ведь отрасль может вообще оказаться нежизнеспособной в отсутствие единой системы шариатских бюро, ведающих вопросами практического применения религиозных норм в бизнесе, без чего реальная стандартизация будет фикцией.

Некоторые неофиты из числа западников активно поддерживают шариатские строгости и считают унификацию требований главным условием активного утверждения исламского финансирования в других цивилизационных ареалах⁷.

Исламские же правоведы настойчиво ищут лучшие варианты интерпретации шариатских указаний по каждому конкретному и часто специфичному продукту, фигурирующему на рынке. К этому процессу причастны и многочисленные мелкие консалтинговые фирмы, задача которых состоит в том, чтобы отслеживать конъюнктуру и содействовать поиску оптимальных бизнес-решений для их реализации на региональных и других рынках. Эти структуры, естественно, работают в исламском поле, но не как исламские банки, поскольку поставляют только информационно-аналитические услуги.

Между тем ортодоксальные критики уверены, что такие компании остаются за рамками курса на интеграцию исламского бизнеса. А потому не могут следовать общей линии на укрепление движения, в русле которого должны не только напитываться исламской догматикой, но и втягиваться в процессы капитализации. А консалтинговый бизнес отстаивает свой формат, поскольку обладает гибкими и креативными инструментами, привлекающими интерес крупных банков и фондов к сотрудничеству именно с ним⁸.

В целом исламские банки зарекомендовали себя как состоявшееся явление, хотя не во всех аспектах одинаково продвинутое и готовое адекватно работать на любых площадках. Тем более чувствуется желание властей довести их до кондиции, совершенствуя их менеджмент и всю систему хозяйствования как условия выведения исламского бизнеса на пространства мусульманского мира и за его пределы. Тем более что изъяны известны, ведется работа над ошибками, и здесь нет особого противоречия со стремлением расширять зону покрытия несмотря на сохраняющиеся огрехи.

Возможности для этого обещающие. Состоявшийся в середине 2014 г. в Дубае Форум глобального исламского микрофинансирования был не случайно ориентирован на эффективность использования финансовых ресурсов в сфере малого предпринимательства. Вся ситуация здесь практически является вызовом системе исламского финансирования, которая демонстрирует недостаточное внимание к перспективным зонам приложения капитала. А ведь именно здесь образовался тугой узел серьезных социально-экономических и политических проблем.

В арабском мире исламское микрофинансирование, как, впрочем, и конвенциональное, не получило заметного распространения. Вообще, только четверть населения стран с мусульманским

большинством имеет доступ к официальному рынку финансовых услуг. По статистике 2008 г., жители Египта, Пакистана, Бангладеш, Нигерии составляли более половины мирового контингента бедняков, имевших доход не выше минимально допустимых национальных уровней⁹. В этих условиях вмешательство исламского денежного капитала имеет шанс не только реально дать средства конкретным людям, но и на организованной основе продвинуть в жизнь исламские принципы вспомоществования бедным. Тем более что большинство не идет на контакты с обычными микрофинансовыми организациями, опасаясь кабалы как результата обращения к ростовщическому капиталу. Исламские же учреждения могли бы в этих эпизодах в полной мере продемонстрировать гуманность подхода к проблеме, не скатываясь к откровенно спекулятивным акциям.

Движение в пользу микрофинансирования началось в регионе на рубеже веков, но развивалось не быстро. За декаду образовались только 157 обществ и 70% из них возникли в Марокко¹⁰. Возможно, препятствием для их внедрения в арабскую практику стали сомнения части банковского сообщества относительно того, что распыление капитала оправдывает себя.

Между тем, по статистике, в одном только 2009 г. 74 млн человек в Африке, Индии и в ряде других регионов получили микрозаймы на сумму 38 млрд долл., и 95–98% задолженности было возвращено банкам¹¹. И это вопреки утверждениям, что подобная практика лишь дополнительно загонит дебиторов в финансовую ловушку. Но этого не происходит. Исламские же учреждения тем более должны внедряться именно в такого рода деятельность, демонстрируя огромным контингентам мельчайших и мелких субъектов хозяйственной активности готовность проявлять характерную черту исламской добродетели – помощь нуждающимся.

Действительно, и на Ближнем Востоке, и в Северной Африке массы бедствующих, но потенциально заинтересованных в работе людей остро нуждаются хотя бы в минимальных средствах, чтобы получить шанс на социальное возвышение. Поэтому основную задачу исламская банковская индустрия усматривает на текущем этапе именно в мобилизации малой предпринимательской инициативы на местах с целью сведения ее в более широкие проекты на базе системного микрофинансирования бедных слоев населения как стимула экономического роста.

Микроэкономика в планах исламских банков может быть важна и в политическом плане. Организованное финансирование

может стать вытесняющей альтернативой адресным дотациям со стороны экстремистских организаций. Они впрыскивают небольшие, но всегда востребованные средства, и таким простым способом вербуют сторонников, которые легко откликаются на призывы к джихаду. По сути, банки на своем поле могут выполнять и контртеррористические функции силой не оружия, а денег, всего лишь расширив кредитование и вовремя удовлетворив спрос на финансовые ресурсы.

Стратегия «тонких» подходов

Другой объект усилий исламского банкинга – внедрение нового видения организационно-технической стороны функционирования собственно институтов исламской финансовой индустрии. Это еще один вызов, поскольку без соответствующего инструментального оснащения конкуренция на должном уровне едва ли будет обеспечена.

На фоне глобальных тенденций в высокоорганизованном бизнесе, каким являются банки, темпы интенсификации исламской отрасли и скорость обретения ею признаков более высокого технологического уклада и общее повышение эффективности финансового блока выглядят недостаточными.

Идея подключения тонких механизмов к управлению капиталами уже довольно глубоко вошла в сознание исламского финансового сообщества, и число сторонников применения передовых информационных технологий постепенно растет. Чтобы открыть путь новшествам, с корпоративной точки зрения, более выигрышным может стать переход именно к высвобождению внутренних резервов за счет рационального использования персонала и оптимизации отношений между структурными подразделениями банков. Под этим понимается как устранение бюрократических препон и ускорение документооборота без потери его качества, так и энергичное продвижение новых продуктов кредитных карт, персонального финансирования, электронных сберегательных счетов, а также освоение новых методик, например перекрестных продаж, стандартизации подходов и т.п. Именно в идее интенсификации усилий заложено ядро новой стратегии, которая так или иначе, но начнет усваиваться всеми участниками рынка исламских капиталов.

В этом смысле показателен опыт *Qinvest* – ведущего инвестиционного банка Катар и одного из крупнейших игроков в мире

исламских финансов, который в октябре 2014 г. принял новую стратегию консолидации сил, чтобы добиться прорыва в работе. Суть ее в достижении устойчивого развития и повышении конкурентоспособности перед лицом вызова западных корпораций. Наибольшие надежды здесь связываются с опорой на развитую сеть собственных отделений в странах Ближнего Востока и Северной Африки, в Турции и Англии. Широкое подключение брокерских компаний последних гарантирует прибыльное присутствие на международных площадках. А рост активности в этом поле обещает высокие результаты в первичном размещении исламских ценных бумаг на региональных и мировых биржах. Банк открыл для себя этот путь, поскольку ощутил готовность к переменам, которые поддерживаются тем, что концентрация капиталов и возможностей роста внутри его и в государстве в целом заметно выше даже в сравнении с богатыми соседними странами.

Катарцы считают, что модернизированный финансовый бизнес выстраивается на основе «уникальной комбинации постоянно-го капитала, региональных исполнительных механизмов и диверсифицированных связей как в самом Катаре, так и в регионе в целом» при концентрации внимания на ключевых продуктах и услугах и на разработке наиболее привлекательных рыночных ниш¹². Такая синтезированная практика в мире уже не считается исключительной. И катарский опыт теперь делает ее не новой и для исламской индустрии соседних государств, которые по его примеру не преминут воспользоваться обещающими преимуществами.

Можно полагать, что в рамках этого процесса удастся добиться общего повышения эффективности арабийского исламского банкинга, сильного духом соревновательности и подражательства, который сослужит службу учреждениям, вовлеченным по определению в выгодные операции с инвестициями.

Надежды на успех связываются с пристрастным подбором команды из высоких профессионалов с обширными связями по региону и в мире не только на корпоративном уровне, но и на индивидуальном. Цель такой кадровой политики очевидна: массовое привлечение выгодной клиентуры, ускоренная концентрация ресурсов, широкий маневр ими с выходом на крупномасштабные операции на рынке сукук* и мурабаха**.

* Сукук – исламские облигации. – *Прим. авт.*

** Мурабаха – способ исламского финансирования. – *Прим. авт.*

Другая составляющая стратегии роста в *Qinvest* – ответственное инвестирование, что требует разработки своей собственной стратегии внутри более общего тренда на повышение качества банкинга. Но и эта работа лишена смысла без тщательного отбора кадров, способных обеспечивать наилучшие решения. Между тем их нехватка хронически довлеет над всем арабским миром, в том числе и над исламской банковской индустрией. И Катар в этом отношении отнюдь не исключение.

В странах Залива не очень охотно посвящают себя изучению наук, необходимых для жизни в «цифровой» действительности, хотя многие верят, что банки – верный путь к социальному росту в среде, где упор делается на гуманитарные знания¹³. Недаром в корпоративном сообществе считают, что реальным препятствием исламскому бизнесу служит «дефицит талантов, имеющих предрасположенность и опыт в работе с конкретными исламскими схемами и способных ориентироваться в тонкостях шариата»¹⁴. Без них же едва ли возможен серьезный разговор о широком и просчитанном маневре материальными и финансовыми средствами в ведении шариатских институтов.

Между тем гарантированное размещение капитала особенно требуется в случае высокодоходных, но рискованных сделок мурабаха, операций с субординированными ресурсами, при «гибридном» финансировании, которые создают повышенную опасность невозврата средств. С этой нишей соседствуют требующие безошибочной реакции и точных решений операции с недвижимостью, весьма объемные в Совете сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), Европе и Америке.

В роли третьего компонента корпоративной стратегии выступает реорганизованная в начале 2014 г. схема управления активами, ставшая своего рода символом модернизации банка. Этим он заявил о себе как о ведущей площадке в зоне Залива и в этом качестве готов открыть шариатским инвесторам доступ к разнообразным глобальным предложениям¹⁵.

Однако дело не только во внутрибанковских эволюциях. Недоработки в сфере обращения приводят к тому, что исламские финансисты слишком часто сталкиваются на бирже с затруднениями по поводу определения исламской природы партнеров. Компании нередко меняют названия, адреса, номера в регистрах биржи в поисках лучших условий, не думая о том, как это отражается на их же эффективности, не говоря уже о партнерах по бизнесу.

Традиционного типа посреднические компании вообще не ведут реестрового учета шариатских акций и оказываются вне мониторинга¹⁶. Такие случаи воспринимаются как серьезный вызов, который ограничивает свободу обращения исламского капитала и снижает конкурентоспособность отрасли.

Такой же вывод можно сделать и в отношении исламского страхования такафуль. Это наиболее хрупкое звено в системе исламских финансов, требующее тонкого обращения в капризной и избалованной среде в зоне развитого арабского рыночного хозяйствования. Длительное время известная осторожность арабского капитала, в том числе и страхового, и сложность страхового дела как такового лимитируют его развитие, тем более в условиях чувствительных колебаний мировой рыночной конъюнктуры¹⁷. В результате наибольший расцвет такафуль получил только в Малайзии и в не многих аравийских государствах, и при этом его доля на мировом рынке страховых услуг остается ниже 1%¹⁸.

Тем не менее система все же заявила о себе в последние годы и ныне ориентируется на рост в рамках закрепления на мас-совых рынках, хотя речь идет о небольших абсолютных величинах. Весь мировой рынок такафуля в 2010 г. в стоимостном выражении оценивался всего в 13,7 млрд долл., хотя вырос по сравнению с предшествовавшим годом сразу на 23%. На долю ССАГПЗ из общего объема средств приходились 5,7 млрд долл., или 41% совокупного оборота. В целом же с 2003 г. весь рынок продукта, оставаясь пока небольшим в абсолютных показателях, увеличился в 12 раз¹⁹.

Это дает апологетам основание рассматривать такафуль как уже состоявшееся глобальное явление. Однако и по сию пору успехи в этом сегменте ограничены и географически, и в других отношениях.

Серьезная же экспертиза считает, что здесь вопросы «эффективности, прибыльности и размеров имеют характер критических императивов, в связи с чем следует искать инновационные решения для управления вызовами со стороны крайне конкурентного для системы такафуль рынка, укреплять операционные возможности и улучшать финансовые показатели отрасли». Только таким образом удастся ослабить преимущества обычного страхования, использующего к своей выгоде экономику масштаба, в отличие от ситуации с системой такафуль²⁰.

Даже беглый взгляд на положение дел на рынке исламских продуктов позволяет отметить недвусмысленное намерение сузить круг мешающих ему проблем. Профессиональное сообщество операторов исламского капитала в полной мере осознает важность и намечаемых, и предпринимаемых мер для консолидации индустрии и придания ей дополнительной энергии в видах на будущее.

Исламские теоретики настаивают на том, что шариатская по типу экономика наиболее подходит для решения арабских и мусульманских проблем. Для них очевидно, что хроническое возникновение эпизодов местного и глобального разбалансирования хозяйственных механизмов составляет удел неработающей «процентной» экономики, тогда как исламская лишена этого недостатка, поскольку строится на партнерских отношениях между трудом и капиталом. В свете этого вопрос «не как обходиться без процента, а как выживать с процентом» для них не стоит²¹.

Оставляя в стороне этот посыл, можно видеть, что исламский финансовый бизнес и в своем нынешнем виде достаточно освоился в арабо-мусульманском мире в качестве естественной части его современного хозяйственного уклада. И нынешняя практика утверждена во мнении, что усовершенствования в разных звеньях исламского предпринимательства могут придать его развитию весомые импульсы. Прямым следствием этого должно стать превращение его в силу, не отличимую по техническому обеспечению и операционному мастерству от конвенциональных банков. Конечный же результат должен реализоваться, минимум, в двух измерениях.

Одно материализуется в готовности исламского капитала совершенствовать и развивать свою банковскую компоненту и концентрировать усилия на обслуживании своих интересов, тем самым демонстрируя ответную реакцию на вызовы мирового рынка. Другое видится в упрочении позиций исламских финансов в соревновании с западными институтами, несмотря на то что те монополизировали огромный сегмент мирового финансового пространства. Но уже сейчас вынуждены делиться им со своими исламскими конкурентами, запросы которых растут. Закрепление этой тенденции исламский капитал по всем признакам считает своим лучшим выбором на будущее.

Примечания

- ¹ Компас. 2009. – № 5. – С. 23.
- ² Excellence in Islamic business // Business Islamica. Vol. 7, issue 8, Dubai Media City 2013. P. 18.
- ³ Al-Bayan. 29.10.2014.
- ⁴ Gulf News. 26.02.2014.
- ⁵ Islamic Banking Needs Global Standartization // Business Islamica... – P. 32.
- ⁶ Is Islamic banking reaching potential? // Business Islamica... – P. 2.
- ⁷ Oweremohly Sarah. Going global with Islamic finance // Business Islamica... – P. 35.
- ⁸ Gulf News...
- ⁹ Is Islamic banking reaching potential?..
- ¹⁰ Бочарова Л.С. К вопросу о микрофинансировании в арабских странах // Ломоносовские чтения. Тезисы докладов научной конференции МГУ. – М., 2011. – С. 144. (Bocharova L.S. 2011. K voprosu o mikrofinansirovanii v arab-skikh stranakh // Lomonosovskie chteniya... М.) (in Russian).
- ¹¹ Is Islamic banking reaching potential?..
- ¹² Qinvest unveils new growth strategy // Business Islamica... – P. 22.
- ¹³ Mukherjee Aparajita. How much of career mapping in Qatar is universally applicable? // Theedge, Qatar's business magazine. Vol. 6, No 4, issue 54, April 2014, p. 61.
- ¹⁴ New Measures for Regional Takaful Growth // Business Islamica... – P. 39.
- ¹⁵ Qinvest unveils new growth strategy... – P. 21.
- ¹⁶ Al-Bayan. 29.10.2014.
- ¹⁷ Sukuk Forging Ahead Despite Structural Pitfalls // Business Islamica... – P. 57.
- ¹⁸ New Measures for Regional Takaful Growth....
- ¹⁹ Ibid. – P. 40.
- ²⁰ Ibidem.
- ²¹ Islamic Banking Needs Global Standartization...

*«Азия и Африка сегодня»,
М., 2016 г., № 8, с. 31–37.*

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

А. Юзеев,

доктор философских наук,
профессор, зав. кафедрой социально-
гуманитарных дисциплин

(Казанский филиал Российского
государственного университета правосудия)

СТАНОВЛЕНИЕ ИСЛАМСКОЙ ТЕОЛОГИИ: КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. Теология как новая дисциплина, утвержденная ВАК, имеет ряд проблем, связанных с отсутствием дисциплины на научном поприще. Одна из проблем – знание регионального компонента, который предполагает знание «местного» материала, препятствующего проникновению из других стран радикальных религиозных идей, которые не свойственны России. В теологии следует возрождать забытые имена религиозных философов как мусульманских, так и христианских и представителей иудаизма.

Ключевые слова: теология, ислам, региональный компонент.

Теология как научная, светская дисциплина, имеющая непосредственное отношение к религии («учение о Боге») должна основываться на объективной истине, которая не всегда может соответствовать толкованиям религиозных канонов как прошлого, так и наших дней. Истина – одна, толкования могут быть разными. Поэтому исследователь должен стремиться приблизиться к истине, этим определяется значимость и важность исследования теолога. На этом пути не должна иметь значения приверженность той или иной религии. Что касается методологии исследования, то ближе других гуманитарных наук к теологии, на мой взгляд, находится философия. Поэтому при написании и для защиты диссертаций по

специальности *теология* можно использовать философию, ее методологию.

Не вызывает сомнения, что главное в работе диссертанта – это профессионализм исследователя, который не должен зависеть ни от каких факторов. Диссертант должен абстрагироваться от действительности и активно погружаться в источники, изучаемые тексты. Если, к примеру, источники, как это часто имеет место в исламе, написаны на арабском языке, то желательно приводить не только русский перевод, но и сам текст на арабском языке, поскольку перевод на русский язык не всегда адекватно отражает источник. Часто исследователь, имея свою концепцию исследования, свою точку зрения по тому или иному вопросу или же по незнанию, «желаемое выдает за действительное», искажая при переводе содержание текста. Работа, выполненная на высоком профессиональном уровне – прекрасно переведенный текст, его толкование, – всегда будет соответственно высоко оценена.

Теолог в России, получающий искомую научную степень, должен знать не только узкую специальность, например теолог, специализирующийся по исламу, но и основы других религий России, прежде всего христианства и иудаизма. На мой взгляд, общие вопросы должны включать: представление о Священных текстах (Библия, Коран), о догматике, посланниках, исторические этапы развития религий.

Другая проблема – знание регионального компонента. В наше беспокойное время, когда наличествует религиозный радикализм, привлекающий в число своих сторонников определенную, теологически необразованную, поэтому подверженную влиянию со стороны часть населения, – знание регионального компонента приобретает огромное значение. Так, диссертант, написавший работу по исламу, культивируемому в Поволжье и Приуралье, должен знать не только толкования арабо-мусульманских теологов, но и местный материал, если таковой имеется. Например, если исследование затрагивает догматику (акида) ханафитского мазхаба, следует изучить трактовку догматики теологов Поволжья и Приуралья XVIII–XX вв. Так, татарский теолог второй половины XIX в. III. Марджани (1818–1889) написал сочинение *Китаб ал-Хикма ал-балига ал-джанния фи шарх ал-акаид ал-ханафиййа* («Книга о зрелой философии, помогающей объяснить догматы ханафитов»)¹,

¹ *Марджани III.* Китаб ал-Хикма ал-балига ал-джанния фи шарх ал-акаид ал-ханафиййа. – Казань, 1888.

посвященное трактовке ханафитской догматики. Этот труд, который на рубеже XIX–XX вв. был популярен в татарском обществе, не потерял своей актуальности и в наше время. В нем Ш. Марджани прокомментировал основные положения догматики ханафитов, такие как вера в Бога, его Имена, предопределение, загробная жизнь, пророчество и ангелы, проблемы халифата и имамата. Этот труд свидетельствует не только об эрудиции Ш. Марджани, выдающегося теолога своего времени, но и дает представления об исламе XIX–XX вв. в Поволжье, далеком от радикализма, которые необходимо возрождать и изучать в учебных заведениях.

Это же касается и христианской философии Поволжья рубежа XIX–XX вв. Обращение к региональному компоненту даст возможность познакомиться с творческим наследием русского философа и богослова В.И. Несмелова (1863–1937), его трудом «Наука о человеке»¹, рассматривавшего с позиции современности отношение человека к Богу, комментировавшего Священное Писание, тексты Отцов церкви и имя которого было предано забвению после 1917 г.

Следовательно, знание регионального компонента для теологов будет не столько свидетельствовать об их эрудиции, сколько препятствовать проникновению из других стран радикальных религиозных идей, которые не свойственны России. В теологии следует возвратиться к истокам своего прошлого и вернуть имена теологов, «забытых» временем как мусульманских, так и христианских и представителей иудаизма. Необходима публикация сочинений религиозных философов XVIII–XX вв. как на языке оригинала, так и в переводах. Значительные шаги в этом направлении делает Централизованная религиозная организация Духовное управление мусульман Российской Федерации, которая ежегодно проводит международные конференции, посвященные изучению наследия татарских мыслителей прошлого: Ш. Марджани, Х. Фаизхана, Р. Фахраддина, М. Бигиева и публикует их сочинения и переводы. Таким образом, проблемы новой дисциплины «теология» вполне решаемы, «дорогу осилит идущий».

¹ Несмелов В.И. Наука о человеке. Т. I–II. – Казань, 1905.

Литература

1. *Марджани Ш.* Китаб ал-Хикма ал-балига ал-джанния фи шарх алакаид ал-ханафиййа. – Казань. 188 б.
2. *Несмелов В.И.* Наука о человеке. Т. I–II. – Казань, 1905. – 440 с.

*«Ислам в современном мире»,
М., 2016 г., т. 12, № 4, с. 193–196.*

О. Клычев,

докторант

(Бухарский государственный университет,
Узбекистан)

«ДАХЪЯК»* – ФОРМА ПОДДЕРЖКИ УЧАЩИХСЯ МЕДРЕСЕ И ПРОФУЧИЛИЩ В БУХАРСКОМ ЭМИРАТЕ

***Аннотация.** В данной статье автор анализирует порядок отбора кандидатов и условия выделения именных стипендии Бухарского эмира, которые назначались учащимся исламских медресе и профессиональных училищ. Основным материалом для написания данной статьи послужили архивные документы Центрального государственного архива Республики Узбекистан (ЦГА РУз).*

Ключевые слова: медресе, стипендия, эмир, образование, слушатель, училище, экзамен.

С конца XIX – начала XX в. Бухарский эмират оказался вовлеченным в орбиту тех поступательных событий, которые происходили в Российской империи, в частности в сфере образования. За короткое время в Бухарском эмирате и Туркестанском генерал-губернаторстве при активно функционирующих мактабах и медресе открывались новометодные и русско-туземные школы, прогимназии, гимназии и ряд профессиональных училищ.

Бухарские эмиры и их представители уделяли достаточное внимание сфере образования и просвещения. Традиция поощрения талантливых студентов, обучающихся в медресе, поддерживалась и в период правления последних эмиров из династии Мангытов.

* Дахьяк – буквально «десятая часть»; в бухарских медресе так называли денежную стипендию, которую получали лучшие учащиеся в последние годы обучения.

До середины XIX в. 800 слушателям медресе Бухарского эмирата, которые читали книгу «Хидояи шариф»¹, выплачивалась соответствующая стипендия «дахъяк». В период правления эмира Музаффархана количество выплачиваемых «дахъяков» увеличилось на 200. Тогда их количество в Бухаре достигло 900, а в Шахрисабзе 200. Согласно сведениям Н.С. Лыкошина о традиционной системе образования Бухары, правительство эмирата выделяло получателю дахъяка 120 таньга – 24 руб. в год².

Получатели дахъяка в медресе или кандидаты на получение дахъяка каждый год в феврале месяце 15 числа, согласно указанию казикалона (высшее духовное лицо республики), должны были сдавать экзамен, который проходил во дворе казикалона. Там, согласно списку, казикалон раздавал студентам дахъяки. Слушатели, не проживающие на территории Бухары, в этот день должны были лично явиться на экзамен. После раздачи стипендии казикалон сам составлял список и подсчитывал количество слушателей, которые по каким-либо причинам не явились в этот день. После этого вместо них набирались новые кандидаты на получение стипендии, они должны были сдавать экзамен перед широкой аудиторией. На новые места могли претендовать только те студенты, которые успешно сдали экзамены и сумели прочесть арабскую вязь, являющуюся сложной формой арабской письменности. Данные мероприятия являлись традицией финансовой поддержки образования в медресе и слушателей, обучающихся в них. В конце XIX – начале XX в. Бухарские эмиры Музаффариддин, Абулахадхан и Алимхан проводили мероприятия по финансовой поддержке не только слушателей медресе эмирата, но и учредили стипендии для малообеспеченных и талантливых учеников, обучавшихся в образовательных учреждениях на основе системы образования России.

В результате изучения архивных данных было выявлено, что переписка между Российским политическим агентством в Бухаре и правительством эмирата является важнейшим источником для освещения данного вопроса. Переписку, связанную с мероприятиями по учреждению стипендий в образовательных учреждениях

¹ «Хидоя» (Хидояи шариф – священная Хидоя) – под этим названием был известен знаменитый арабский труд по мусульманскому праву, составленный Али Маргинани.

² Лыкошин Н.С. Пол жизни в Туркестане (очерки быта туземного населения). – Петроград: Тип. Б.Д. Брукера, 1916. – С. 243.

на основе системы образования Российской империи, можно разделить на два периода.

Первый период начинается с учреждения в каждом образовательном учреждении двух стипендий эмира для детей граждан Бухары, обучавшихся в образовательных учреждениях в городах Петро-Александровск, Казалинск, Перовск, Ташкент и Самарканд. Данная стипендия была учреждена эмиром Музаффариддином 28 февраля 1885 г. в честь 25-летия правления Александра II за счет процентов благотворительного капитала в размере 32 650 руб.¹ Порядок выдачи данной стипендии был утвержден Министерством народного образования России 14 июня 1885 г. Стипендия была учреждена в целях обеспечения получения бесплатного образования в данных городах учениками, имеющими подданство эмирата.

Средства, выделенные на стипендию, хранились в Ташкентском казначействе в виде государственных ценных процентных бумаг, и в период с 1885 по 1891 г. их стоимость увеличилась до 43 095 руб. О том, что средства, выделенные эмиром, не используются по назначению, было сообщено Бухарскому эмиру. Известил его об этом главный инспектор училищ Туркестанского края Ф.М. Керенский через Российского политического агента П.М. Лессара. Главный инспектор предложил с разрешения эмира использовать эти средства для строительства реального училища в городе Ташкенте², взамен этого обеспечить бесплатное обучение в данном образовательном учреждении детей подданных эмира.

В ответном письме от 4 февраля 1891 г. на имя главного инспектора училищ Туркестанского края Ф.М. Керенского Российское политическое агентство в Бухаре отметило необходимость известить правительство Бухары о том, что дети бухарских подданных вместо обучения в образовательных учреждениях города могут получить бесплатное образование в Ташкентском реальном училище³. Бухарский эмир положительно решил этот вопрос. А это значит, что средства, учрежденные для стипендии в городах

¹ ЦГА РУз. (Центральный Государственный Архив Республики Узбекистан) Ф. И-3. Оп. 1. Д. 79. Л. 109–110.

² Ташкент реальное училище было открыто в 1894 г. Первоначально имелось всего два класса и только к 1898 г. доведено до семи классов (шесть основных и один дополнительный). См.: В.Т. Кочаров. Из истории организации и развития народного образования в Туркестанском крае. – Т.: 1958. – Б. 42.

³ ЦГА РУз. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 79. Л. 111.

Туркестанского генерал-губернаторства эмиром Музаффариддином в 1885 г., были потрачены на строительство здания реального учебного заведения в г. Ташкенте, которое началось в 1891 г. Правительство эмирата обеспечило бесплатное обучение детям своих подданных в данном учебном заведении.

Второй период учреждения стипендий на основе средств бухарских эмиров приходится на период правления эмира Абдулахада и эмира Алимхана. К этому периоду можно отнести переписку между правительством эмирата и Российским политическим агентством в Бухаре, связанную с учреждением стипендий в Ташкентском реальном училище, в Ташкентском кадетском корпусе, в Туркестанской учительской семинарии и в сельском детском приюте Императрицы Марии в Екатеринбурге, в Тульской губернии.

Необходимо отметить, что сведения, связанные с учреждением и порядком отбора кандидатов стипендий Бухарского эмира, были отражены в межправительственной дипломатической переписке между Российским политическим агентством и кушбеги эмирата, а также в официальной межведомственной переписке между канцелярией Туркестанского генерал-губернаторства, главным инспектором училищ Туркестанского края и администрацией образовательных заведений.

Основная переписка по данному вопросу велась в период с 1898 по 1917 г. кушбеги эмира Жан Мирзабием, Астанакул и Мирзы Насрулло, Российскими политическими агентами А. Белявым, Я.Я. Лютшем, В.И. Игнатьевым, П.М. Лессаром, а также управляющими Политического агентства В. Петровым и Н. Шульгой.

Анализ документов канцелярии Политического агентства показал наличие важных сведений о том, что в Ташкентском реальном училище на основе средств Бухарского эмира были учреждены стипендии имени Великих князей Михаила Николаевича¹ и Кирилла Владимировича².

¹ Великий князь Михаил Николаевич (1832–1909). Сын Императора Николая I, военный полководец и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (с 16 апреля 1878 г.), генерал-фельдцейхмейстер (с 1852 г.), вел деятельность в качестве представителя Государственного совета (1881–1905).

² Великий князь Кирилл Владимирович (1876–1938). Второй ребенок третьего сына Императора Александра III Владимира Александровича, племянник Николая II.

Сохранилась телеграмма российского политического агента В.И. Игнатьева от 13 декабря 1898 г., направленная на имя Туркестанского генерал-губернатора С.М. Духовского. В ней излагается, что Бухарский эмир Саид Абдулахадхон в связи с 50-летним юбилеем Великого князя Михаила Николаевича просит разрешить учредить две стипендии в Ташкентском реальном училище в размере 300 руб., в счет процентов 15 000 руб.¹ После этого генерал-губернатор С.М. Духовский 15 декабря 1898 г. отправил письмо на имя Бухарского эмира, в нем он выражал свою благодарность за разрешение на учреждение двух стипендий в Ташкентском реальном училище в связи с 50-летним юбилеем Великого князя Михаила Николаевича.

В Ташкентском реальном училище порядок представления кандидатов на стипендию имени Великого князя Михаила Николаевича, на основе средств эмира Саида Абдулахадхана, был утвержден министром народного образования 6 июля 1899 г. Согласно пятому параграфу данного порядка, сведения о кандидатах на стипендию предоставлялись эмиру через Туркестанского генерал-губернатора на основе представления Педагогического совета Ташкентского реального училища. Утверждение кандидата входило в компетенцию эмира.

Сведения из архивных документов подтверждают, что конкурс на стипендию, выделенную для студентов учебных заведений, был очень большим. Правом участия в данном конкурсе пользовались и дети подданных Бухарского эмирата, и дети из малообеспеченных семей, а также семей, потерявших кормильца из других областей края.

Согласно сведениям из переписки, которая велась между кушбеги эмирата и Российским политическим агентством, при представлении кандидатов на стипендию, в первую очередь, принималось во внимание его семейное положение, уровень его знаний и соблюдение им правил распорядка учебного заведения. Во многих случаях семьи, которые хотели, чтобы их дети стали стипендиатами, обращались с прошением на имя директора Ташкентского реального училища или Российского политического агента в Бухаре. Такого вида документы были написаны от имени Михаила Шудрина, Дустмухаммада Кувватова, Абубека Диваева, Биби Усмон Хотимтоевой и Биби Ойша Якубовой. В документе

¹ ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 507. Л. 1.

подробно изложены все сведения о кандидате и о его семейном положении.

После рассмотрения кандидатуры на Педагогическом совете учебного заведения и сбора необходимых бумаг, таких как представление директора, выписки из протокола Совета, справки об успеваемости ученика и списка кандидатов за подписью директора (класс, фамилия, имя, отчество, оценки и прилежание, успехи, социальное положение), о принятом решении через Туркестанского генерал-губернатора извещало Политическое агентство в Бухаре. А политический агент отправлял список кандидатов кушбеги эмирата. Об этом можно узнать из следующего исторического документа:

«Уважаемый кушбег Мирза Насруллабий, извещаю Вас о том, что в Ташкентском реальном училище одно место стипендии имени Великого князя Михаила Николаевича, учрежденной на основе средств Его Святейшества Эмира, освободилось. Согласно порядку распределения данной стипендии, Советом учебного заведения составлен список кандидатов на свободное место, который через Туркестанского генерал-губернатора будет доставлен Его Превосходительству Эмиру. Туркестанский генерал-губернатор в качестве кандидата на освободившееся место представил мне ученика мусульманина Ёкубова Ёкуба, получающего образование на первом классе данного учебного заведения. Известить Ваше превосходительство о данном кандидате, также было поручено мне. Уважаемый Господин кушбег, прошу Вас обратиться к Его Превосходительству Эмиру по вопросу о выделении данной стипендии Ёкубову Ёкубу и прошу Вас известить меня об этом. Желаю Вам здоровья и милосердия Его Превосходительства Эмира, жду Вашего ответа. Управляющий политическим агентством: Подпись (В. Петров, письмо № 1944 от 23 марта 1913 года)»¹.

Российское политическое агентство отправку писем подобного содержания на имя кушбеги эмирата осуществляло на основе порядка представления списка кандидатов из числа учеников Ташкентского реального училище, претендующих на стипендию эмира.

В результате исследования писем с таким содержанием выяснилось следующее: последний этап выбора достойных учеников

¹ ЦГА РУз. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 332. Л. 70.

из числа кандидатов на стипендию полностью зависел от волеизъявления Бухарского эмира. О кандидате, получившем одобрение эмира, кушбеги эмирата лично сообщал в официальных письмах управляющему Российским политическим агентством в Бухаре либо самому политическому агенту.

Такого вида письма имели следующее содержание:

«Уважаемый управляющий Политическим агентством Российского Императора. Согласно Вашему письму № 1944 от 23 марта 1913 года, сведения о том, что освободилось место на стипендию имени Великого князя Михаила Николаевича, были представлены Его Превосходительству Эмиру. Извещаю Вас о том, что Его Превосходительство Эмир дал разрешение предоставить данную стипендию ученику Ёкубову Ёкубу». (10 день месяца жума дулаввал 1331 года хиджры (письмо № 860 от 2 апреля 1913 года))¹.

Анализ ответного письма кушбеги показал, что в письме содержится текст-обращение (письмо), отправленное управляющим Политическим агентством на имя главного инспектора училищ Туркестанского края. Этот текст рукописный, черными чернилами записан в правой части письма. Подпись в конце письма подтверждает, что автор текста управляющий Политическим агентством В. Петров.

Данную ситуацию в письме кушбеги можно оценить следующим образом. Во-первых, Политическое агентство, получив заключение правительства эмирата о кандидате на стипендию, отправило его главному инспектору училищ Туркестанского края через представление оригинала письма кушбеги. Во-вторых, записи под письмом могут означать, что письмо Политического агентства, отправленное на имя главного инспектора, могло выполнять задачу чернового варианта письма, т.е. данные записи управляющего агентством использовались секретарями-переписчиками при составлении официального письма. Это подтверждает тот факт, что в процессе исследования было выявлено наличие двух видов текстов с одинаковым содержанием.

Анализ текстов переписки также показал, что вопросы, связанные с кандидатами на стипендию, учрежденную на основе средств Бухарского эмира, решались как на официальном межправительственном уровне в виде обмена письмами, так и непосред-

¹ ЦГА РУз. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 332. Л. 71.

ственно при встречах политического агента с эмиром. Это можно узнать из письма Политического агента № 2158 от 14 марта 1914 г., отправленного на имя главного инспектора училищ Туркестанского края:

«Ваше прошение за № 2272 от 29 февраля сего года (1914 г.) по вопросу назначения кандидата на свободное место стипендии в Ташкентском реальном училище, 9 марта я подробно изложил на встрече с его Превосходительством Эмиром. Его Превосходительство Эмир из числа кандидатов на стипендию одобрил кандидатуру Константина Преображенского»¹.

Первыми обладателями стипендии имени Великого князя Михаила Николаевича, учрежденной на основе средств Бухарского эмира, в Ташкентском реальном училище стали выпускники Церковно-приходской школы в Новой Бухаре Камариддин Абдулменов и Мухаммад Собир Тазиев. Эти кандидаты были лично представлены эмиром и, согласно его разрешению, утверждены. Согласно сведениям из архивных документов, в период с 1899–1918 гг. данной стипендии были удостоены Кувватов Хасан, Мирбадалиев Искандар, Осокин Георгий, Ёкубов Ёкуб, Янин Георгий и Мокин Василий.

Вторая стипендия в Ташкентском реальном училище учреждена сыном Бухарского эмира Саид Алимханом на основе благотворительных средств в размере 15 000 руб. в честь Великого Князя Кирилла Владимировича, который остался невредимым после взрыва на броненосце «Петропавловск» в 1904 г. Согласно вышеуказанному порядку, этой стипендии каждый год удостаивались два ученика².

Обладателями стипендии имени Великого Князя Кирилла Владимировича были Шамсуддинов Искандар, Мурашкин Павел, Вендигов Константин, Преображенский Константин, Нелюбин Владимир и Дашкин Илья (Ильяс). В процессе анализа писем-прошений, предоставленных членами семьи кандидатов на стипендию, учрежденную эмиром в Ташкентском реальном училище, выяснилось, что сначала стипендий было две, а с 1905 г. стипендия была предоставлена четырем ученикам.

¹ ЦГА РУз. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 332. Л. 74.

² ЦГА РУз. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 258. Л. 138.

Выбор кандидатов в учебном заведении на освободившуюся стипендию объявлялся только тогда, когда предыдущий обладатель стипендии оканчивал учебное заведение или, согласно собственному заявлению, исключался из учеников. Но так как в реальном училище была внедрена семилетняя система образования, то число стипендиатов с каждым годом увеличивалось. Вероятно, поэтому в ответ на ряд писем, обратившихся с просьбой предоставить их детям стипендию эмира, Российское политическое агентство в Бухаре извещало о том, что места на стипендию заняты либо освободились. Обращения такого содержания отправили подданная Юсупова 30 сентября 1904 г. и Е. Крунёга 23 марта 1905 г. Важно отметить то, что Политическое агентство ответы на данные обращения отправляло через представителей администрации или полиции по месту жительства.

Отметим, что в результате сопоставительного анализа переписки Российского политического агентства и документов Ташкентского реального училища были выявлены некоторые особенности исследуемой проблемы.

1. Стипендии Бухарского эмира удостаивались как представители мусульманства, так и представители христианства.

2. Было выяснено, что среди стипендиатов были узбеки, казахи, киргизы, таджики и русские.

3. Большинство студентов-стипендиатов были из областей Туркестанского генерал-губернаторства и частично из городов, входящих в состав Бухарского эмирата.

4. Стипендиаты свое первичное образование получали в церковных школах (приходских училищах) таких городов, как Омск, Киев, Ташкент и Новая Бухара (Каган).

5. Социальное происхождение стипендиатов разнилось. Это были дети местных работников, управляющих, переводчиков, секретарей, военнослужащих, медсестер и хлопковых инспекторов, а также дети чиновников административных учреждений Российской империи в Туркестане.

6. Несмотря на то что стипендии не были названы в честь Эмира Абдулахада и Эмира Алимхана, тексты межправительственной переписки подтверждают, что все решения, связанные с кандидатами на стипендию принимались исключительно Бухарскими эмирами.

Все вышеперечисленные случаи свидетельствуют о том, что в Ташкентском реальном училище и правительство эмирата, и администрация учебного заведения строго придерживались порядка назначения стипендий имени Великих князей Михаила Николае-

вича и Кирилла Владимировича на основе средств эмиров Абдулахада и Алимхана. Поэтому Эмир Музаффариддин, выделивший средства для строительства Ташкентского реального училища, эмиры Абдулахад и Алимхан в 1893, 1895 и 1911 гг. были удостоены звания Почетный попечитель данного учебного заведения¹.

В начале XX в. правительство Бухарского эмирата наряду с Ташкентским реальным училищем также учредило стипендии для кадетов Ташкентского кадетского корпуса² и слушателей Туркестанской учительской семинарии. Например, стипендии, учрежденные в Ташкентском кадетском корпусе, который вел свою деятельность в качестве военного учебного заведения Бухарского эмира, были утверждены 22 ноября 1906 г. с разрешения Российского императора. Уставной капитал данной стипендии был определен в размере 21 060 руб.³

Первая переписка об учреждении стипендии в кадетском корпусе велась между руководством Бухарского эмирата, Российским политическим агентством в Бухаре, чиновниками дипломатического корпуса Туркестанского генерал-губернаторства и руководством Кадетского корпуса. В основном переписка была посвящена вопросам, связанным с учреждением стипендии.

Во втором пункте порядка распределения стипендии, учрежденной на основе средств Бухарского эмира в Ташкентском кадетском корпусе, указано, что обладатели стипендии должны называться «стипендианты Его Императорского Высочества Наследника Царевича»⁴. Кандидаты на стипендию по рекомендации командующего Туркестанского военного округа назначались сроком на три года. Этот случай показывает, что порядок выбора резко отличался от порядка выбора кандидатов на стипендию в Ташкентском реальном училище. По этой причине количество писем,

¹ ЦГА РУз. Ф. И-64. Оп. 1. Д. 2620. Л. 260–261.

² 1 сентября 1900 г., согласно требованию начальника частей Туркестанского военного округа и решения Военного министра, был открыт в Ташкенте в качестве второй подготовительной школы Оренбургского кадетского корпуса. А с 1 августа 1904 г. начал свою деятельность в качестве самостоятельной школы. В 1904 г. он назывался корпус «Ташкентский имени наследника царевича кадетского корпуса», в 1917 г. был заново организован как Ташкентская военная гимназия. 22 июня 1918 г. был закрыт согласно решению комиссара Народного образования. См.: Путеводитель по фондам Центрального государственного исторического архива УзССР / Сост. Агафонова З.И., Халфин Н.А. – Ташкент, 1948. – С. 150.

³ ЦГА РУз. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 223. Л. 1.

⁴ ЦГА РУз. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 257. Л. 71.

связанных с выделением стипендии для Кадетского корпуса и назначением кандидатов, сравнительно небольшое. Имеющиеся в наличии письма посвящены вопросам организации обучения на основе стипендии Бухарского эмира для детей начальника полиции Бухары Н.К. Бабкина и фельдшера больницы в Старой Бухаре О.И. Збровского. Это стипендиаты Лев Бабкин и Николай Збровский¹.

Выплата стипендий, учрежденных в Ташкентском реальном училище, а также в Ташкентском кадетском корпусе выполнялась на основе поступлений от средств, выделенных для данных учебных заведений из расчета 5% годовых. Если в Ташкентском реальном училище из процентов средств в размере 30 000 руб. выплачивали четыре стипендии, каждому по 300 руб. в год, итого 1200 руб. в год, то в Ташкентском кадетском корпусе размер средств составлял 21 060 руб., были учреждены две стипендии каждая по 450 руб. в год, итого 900 руб.

Ташкентское реальное училище средства стипендии выделяло лично на имя ученика или прикрепленного к нему близкого родственника. Это мероприятие осуществлялось 4 раза в год в марте, июне, сентябре и декабре. Тогда руководство учебного заведения предоставляло стипендиату или его родственнику документ, дававший право получить соответствующую сумму (на каждого ученика 71 руб. 25 коп.), в счет капитала стипендии эмира. В результате исследования данных документов было выяснено, что стипендиаты реального училища Г. Осокин, И. Дашкин, В. Мокин и В. Нелюбин осуществляли получение средств стипендии путем предоставления документов на имя Л.Н. Осокина, А. Диваева, Л. Таранес, Мокиной и лично В. Нелюбина². Необходимо особенно отметить то, что стипендиаты эмира в Ташкентском реальном училище в отличие от стипендиатов действующего личного состава Ташкентского реального учебного заведения, обладателей стипендий имени Н.В. Скобелева и Т.И. Обухова, получали денежные средства стипендии в 2, а иногда и в 3 раза больше³.

В процессе изучения источников, имеющихся в Центральном государственном архиве Республики Узбекистан, был выявлен

¹ ЦГА РУз. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 400. Л. 2.

² ЦГА РУз. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 257. Л. 73–78; Ф. И-64. Оп. 1. Д. 27575. Л. 39–50.

³ Потому что устав стипендии, учрежденной в Ташкентском реальном учебном заведении для личного состава, составлял 1100 руб., стипендии имени Т.И. Обухова – 2700 руб., вместе с этим устав стипендии имени Н.В. Скобелева составлял 2500 руб. См.: ЦГА РУз. Ф. И-64. Оп. 1. Д. 2480. Л. 12–13.

сборник писем, связанных с деятельностью слушателей, которые обучались в Туркестанской учительской семинарии и имели подданство Бухарского эмирата. Данное учебное заведение было основано в 1879 г. в Ташкенте, которое занималось подготовкой местных сотрудников и педагогических кадров для официальных учреждений и учебных заведений, которые вели свою деятельность не только на территории Туркестанского генерал-губернаторства, но и во всем Среднеазиатском регионе¹.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что в учебных заведениях Бухарского эмирата слушатели получали образование независимо от их национальности и религиозных взглядов. И после завершения учебного заведения выпускники получали определенные знания, навыки, которые давали им право работать как в государственных учреждениях края, так и в системе образования. Очевидно, что это было продиктовано изменениями в политической, социальной и экономической жизни общества в рассматриваемый период, связанный, прежде всего, с расширением территории Российской империи.

Источники и литература

1. ЦГА РУз. (Центральный государственный архив Республики Узбекистан). Ф. И-3. Оп. 1. Д. 79. Л. 109–110.
2. ЦГА РУз. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 79. Л. 111.
3. ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 507. Л. 1.
4. ЦГА РУз. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 332. Л. 70.
5. ЦГА РУз. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 332. Л. 71.
6. ЦГА РУз. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 332. Л. 74.
7. ЦГА РУз. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 258. Л. 138.
8. ЦГА РУз. Ф. И-64. Оп. 1. Д. 2620. Л. 260–261.
9. ЦГА РУз. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 223. Л. 1.
10. ЦГА РУз. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 257. Л. 73–78; Ф. И-64. Оп. 1. Д. 27575. Л. 39–50.
11. Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1917). – Москва: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1960. – С. 146.
12. Лыкошин Н.С. Пол жизни в Туркестане (очерки быта туземного населения). – Петроград: Тип. Б.Д. Брукера, 1916. – С. 243.
13. Путеводитель по фондам Центрального государственного исторического архива УзССР / Сост. Агафонова З.И., Халфин Н.А. – Ташкент, 1948. – С. 150.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир».*

¹ Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1917). – Москва: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1960. – С. 146.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2017 – 10 (304)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Компьютерная верстка
Н.М. Власова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 9/X-2017 г. Формат 60х84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,25 Уч.-изд. л. 6,0
Тираж 250 экз. Заказ № 139

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9